

Галина Сапфиро

**ПОДЗЕМЕЛЬЯ АРКАИМА.
КНИГА 1.
ПРОБУЖДЕНИЕ СЕМАРГЛА**

Галина Сапфиро
Подземелья Аркаима

«Издательские решения»

Сапфиро Г.

Подземелья Аркаима / Г. Сапфиро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747958-9

В «Книге Предков» Ордена воинов-гиперборейцев записано Пророчество: «Когда мир подойдет к краю пропасти, придёт Спаситель. Пришествие его случится во время наивысшей опасности для земной цивилизации». Этот момент настал, хотя пока ничто не предвещало всемирного катаклизма, на Руси в семье Стража появился мальчик — Глеб Дубров. Пять огненных знаков сошлись в момент его рождения. Только он, Тринадцатый Семаргл, сможет спасти мир, восстановив пошатнувшееся равновесие между силами Света и Хаоса.

ISBN 978-5-44-747958-9

© Сапфиро Г.
© Издательские решения

Содержание

1. Глеб Дубров	6
1.1. Каникулы	6
1.2. Знак на ладони	9
1.3. Рыбалка с молнией	11
1.4. Странный сон	13
2. Учитель и ученик	16
2.1. Инкубус из пепла	16
2.2. На путь воина	20
2.3. Мой дракон просыпается	25
2.4. Свисающий с небес	28
3. Поездка в Аркаим	33
3.1. Город под крышей	33
3.2. Ночная экскурсия	37
3.3. Новые друзья	41
3.4. Потомок фараона	46
4. Кольцо Химеры	56
4.1. Настройка видения	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Подземелья Аркаима
Книга 1. Пробуждение Семаргла
Галина Сапфино

© Галина Сапфино, 2016

© Яков Бояршинов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Глеб Дубров

1.1. Каникулы

Я сидел на узком гребне скалы, словно на спине дракона, обхватив его ногами и держась левой рукой за камень, торчащий впереди. Свесившись вниз, я разглядывал в бинокль туристов, сплавляющихся на трех круглых надувных платах по речке, протекающей в ущелье. Речка была неширокой, метров тридцать в поперечине, но стремительной и бурной. Крутых порогов на ней не было, так, перебаты с изредка разбросанными сглаженными водой валунами, похожими на спины больших черных черепах. Поэтому начинающие туристы оттачивали на ней свое мастерство, сплавляясь на платах, байдарках или катамаранах. Туристический сезон продолжался с весны по осень, зимой же в ущелье не ступала нога человека, не считая моей, я иногда катался здесь на лыжах. Ущелье находилось довольно далеко от нашего поселка, да и дни зимой были короткими, поэтому, чтобы добраться сюда, мне приходилось выходить на рассвете, когда ночная тьма только начинала рассеиваться. Ущелье было узкое, глубиной метров сорок, любителей прогуляться по нему не находилось. В нем всегда стояли сумерки, Солнце освещало дно считанные мгновения, когда оно оказывалось точно над ущельем. Здесь не росли кусты и деревья. Но, несмотря на его мрачную атмосферу, что-то притягивало меня сюда. Зимой, скользя по заснеженной речке со странным названием Ящерка, я чувствовал себя будто в фантастическом мире из компьютерных игр: ледяная светло-голубая лента реки пролегла между возносящимися вверх черно-фиолетовыми стенами, а высоко вверху виднелась синяя полоса неба. Впрочем, иногда она выглядела жемчужно-серой, смотря по погоде. Торчащие из снега по берегам речки черные обледенелые валуны и холодное фиолетовое пламя, вспыхивающее на их гранях, дополняли картину.

Туристы благополучно миновали ущелье и исчезли вдали, а моя рука устала и занемела. Я выпрямился и в который раз принялся разглядывать свой новенький бинокль. Вчера у меня был день рождения, мне исполнилось четырнадцать лет, и родители, наконец, подарили бинокль, который я давно у них просил. Солнце склонялось к горизонту, пора возвращаться. Пешком отсюда до дома идти два с половиной часа. Но я не тратил времени зря, решив употребить его на занятие спортом, поэтому большую часть пути проделывал бегом. Я, то несся со скоростью спринтера, то бежал трусцой, лишь изредка переходя на шаг. Я обнаружил ущелье два года назад, в самом начале лета. Тогда же и начал заниматься бегом.

Как говорят – в семье не без урода. Это я про себя. Мой старший сводный брат Ярослав пошел в мать. От нее он унаследовал волнистые белокурые волосы, тонкие русые брови, длинные черные ресницы и серые глаза. Волосы у меня были тоже светлые, но, скорее какие-то пепельные, чем русые, будто посыпанные серой пылью. Поэтому казалось, что у меня постоянно грязная голова. Брат был старше меня на два года и выше на целую голову. Мой острый, треугольником, подбородок проигрывал в сравнении с широкой нордической челюстью Ярослава. Глаза у брата были ясные и прозрачные, а мои – темно-серые с поволокой, непонятного сизого цвета, да еще слегка раскосые. На худощавом лице глаза казались большими, пожалуй, это был единственный плюс в мою пользу. Если добавить ко всему непропорционально длинные ноги и бледную кожу, то видок у меня был еще тот. Мать считала, что у меня плохой гемоглобин и, поэтому постоянно пичкала витаминами и соками, хотя анализы были в норме. Мне нравилось имя брата – Ярослав, которое легко изменялось: Яр, Ярик, Слава. К тому же Ярослав – прославленное имя русских князей. А вот мое имя простое – Глеб, и оно не изменяется, Глеб и только. У брата было прозвище Ярый, хотя он ему совершенно не соответствовал со своим непробиваемым спокойствием и медлительностью. А меня в школе прозвали Луна-

тиком, видимо за мой бледный вид и большие глаза, впрочем, у некоторых были прозвища и похуже того.

Как-то бабушка Глаша, мать моей матери, в разговоре с соседкой сказала о Ярике, что родители хотели дочку, поэтому родившийся мальчик, мол, и родился таким красавцем. Как будто красота привилегия девчонок. Иногда я с обидой думал, что все лучшее досталось Ярославу. Девочки, которые стаями хищных пираний вились вокруг брата, на меня обращали внимания не больше, чем на хомячка, живущего в аквариуме на моем столе. Впрочем, ему внимания уделяли больше, чем мне, хомяку иногда приносили орешков или семечек в качестве угощения.

Наша единственная бабушка Глаша жила в селе на Алтае, и навещала нас пару раз в году: обычно ее визит приходился на день рождения моей матери, ее дочери, и на Новый год. Ее мужа Ивана Петровича, моего деда, давно погибшего по трагической случайности на охоте, я совсем не помнил. Отец Ярослава, военный летчик-испытатель, погиб, испытывая новый самолет, когда Ярик был совсем маленьким. Через год мать вышла замуж за моего отца, военного инженера-электронщика. А еще через год родился я. Отец, Гордей Ильич, был высокий, сухощавый и малоразговорчивый. Своей легкой стелящейся походкой охотника он походил на поджарого гепарда, уверенного в своих силах опасного хищника, несмотря на кажущийся добродушный спокойный характер и легкую расслабленность в движениях. У него были жесткие русые волосы, которые он всегда коротко стриг, острый подбородок и слегка раскосые глаза, доставшиеся ему от какого-то дальнего монголоидного предка. На единственной сохранившейся с детских лет фотографии, где отцу было лет двенадцать, он выглядел гораздо симпатичнее меня. Отец с малолетства воспитывался в детдоме, поэтому другие фотографии, если и были, не сохранились. О своих родителях он ничего не знал.

Хотя подбородок и разрез глаз я явно унаследовал от отца, иногда глядя на себя в зеркало, я думал, что все-таки я не такой как мои родственники. Как будто какая-то моя внутренняя сущность знала, что я чужд этому миру. Наверное, поэтому меня привлекало одиночество. Мне нравилось одному уходить на лыжах в лес, прокладывая лыжню среди тишины и заснеженных деревьев. Нравилось, закрывшись в комнате, читать книги о путешествиях и приключениях, особенно увлекали меня повествования об иных мирах, в которых действовали смелые и находчивые косморазведчики.

Я задержался еще на несколько минут, чтобы полюбоваться пылающим закатным небом. Выступ скалы, нависающий над ущельем, на котором я недавно сидел, выглядел черным стилизованным силуэтом доисторического ящера припавшего к земле и высматривающего что-то на дне ущелья. Когда я первый раз привел сюда Ярослава и показал ему своего «дракона», на котором любил сидеть и мечтать в одиночестве, он обсмеял меня и сказал, что это не дракон, а какая-то химера, похожая на бегемота с мордой крокодила и обрубленным хвостом утконоса. Взглянув на выступающую над поверхностью часть скалы, я решил, что он прав. Ну, что ж, химера, так химера. И с тех пор стал называть своего «дракона» Химерой, возведя это прозвище в статус имени.

– Химера! Это звучит одновременно загадочно и пугающе. От этого имени веет чем-то очень древним и опасным, – размышлял я.

– Надо будет порыться в литературе и выяснить, что представляет собой данное существо.

Весна выдалась ранняя, и сейчас, в конце мая, днем было жарковато, но вечером жар спал и снизу из ущелья уже поднимались струи прохладного воздуха. Природа притихла, прощаясь с уходящим днем. Ни один звук не нарушал тишину. Казалось, сияющее небо придвинулось ко мне и окутало невидимым покровом. Воздух стал густым и искрящимся, будто я очутился внутри прозрачного янтаря и смотрел на мир изнутри него. Я глубоко вдохнул, втягивая этот янтарный свет в себя, наполняясь им словно воздушный шар. В солнечном сплетении коль-

нуло, резкая боль привела меня в чувство, мир вокруг принял свой обычный вид. Наверное, я, как йог, впал в медитативное состояние, подумалось мне. Всю эту зиму я посещал секцию боевых искусств, которую открыли в нашем Доме Культуры военные, их часть базировалась недалеко от поселка. На секции мы учились сосредотачиваться, отсекая от себя все звуки, запахи и мысли. Собственно это та же медитация, которую практикуют йоги. Занятия вел молодой капитан, с непривычным именем Маркел, которого мы звали просто Марк. Он был непревзойденным мастером русского рукопашного боя. Марк обучал нас приемам защиты и нападения, без оружия и с оружием, которым могла стать самая обычная палка. Группа была разношерстная, составленная из школьников, рабочих и студентов училища. Хотя Маркел гонял нас до седьмого пота и спускал, что называется, по семь шкур, из группы никто не ушел. Всем было интересно и, конечно, каждому хотелось стать таким же крутым мастером боевого искусства, как наш тренер.

Закинув на спину рюкзак, в котором лежали бинокль, налобный фонарик, нож и бутылка с остатками воды, я помчался к спуску с горы, до захода солнца нужно успеть добраться до дома. Я бежал без остановки уже минут сорок, полдороги позади. Пот заливал глаза, но я не останавливался, не хотелось оказаться в лесу в темноте. Дорога была знакома, глаза привычно выискивали нужные ориентиры, а мысли текли ленивым ручейком, перескакивая с темы на тему. О последнем экзамене, о вчерашнем дне рождения, о летних каникулах. Поездка на море не намечалась, но родители обещали свозить нас с братом в Аркаим, где мы с ним давно хотели побывать. Развалины древнего поселения находились недалеко от нас, но выбраться туда из поселка было проблематично. Мне стало жарко от бега, в то же время в левой руке появилось ощущение, словно она слегка онемела от холода. В центре ладони, там, где у меня находилось маленькое светлое пятнышко, как будто появился ледяной крошечный кристаллик, и от него волны холода распространялись по всей ладони, достигая запястья. Я остановился и потер пятнышко пальцем, через минуту неприятное ощущение исчезло, и я помчался дальше. Когда я добежал до своей калитки, закат на небе превратился в узкую оранжевую полосу над самой линией горизонта. В кухне на столе меня ждал ужин, заботливо укутанный в махровое полотенце. Мать уже ушла в больницу, она работала там терапевтом, и у нее раз в десять дней было ночное дежурство. Отец служил в военной части и вообще появлялся дома только на выходные. Ну, а Ярослав, видимо, на свидании или на дискотеке, в пятницу вечером в нашем ДК всегда устраивали танцы, а сегодня как раз пятница. Весь двухэтажный дом был в моем распоряжении.

1.2. Знак на ладони

Сытый и осоловевший я поднялся в свою комнату на чердаке, раздумывая, чем бы заняться. Вспомнив об онемении руки, решил рассмотреть родинку поближе. Если быть точным, родинок у меня на руках было две. Одна, самая обычная, располагалась в центре правой ладони – темное пятнышко размером со спичечную головку. Вторая, такого же размера, находилась в центре левой ладони. Хотя родинкой называть ее было неправильно, просто светлое пятнышко. Такой цвет кожи бывает после ожога, когда поврежденный участок кожи обесцвечивается и не загорает на солнце. Порывшись в ящике стола, я нашел лупу, которую купил, когда увлекался марками, но это увлечение быстро прошло. Я посмотрел на белую отметину, мне показалось, что она стала светлее. Поместив лупу над ладонью, я разглядел, что пятнышко было не просто пятном, а рисунком. Как будто неизвестный художник аккуратно нарисовал на моей ладони маленькую белую спиральку.

– Что за чертовщина? – Озадачился я вопросом, двигая лупой, чтобы лучше рассмотреть эту странную спиральку. Изучение второй родинки ничего не прояснило, родинка как родинка. Наконец, почувствовав, что веки слипаются, я решил лечь спать, оставив решение загадки на неопределенное будущее.

Мне приснилось, что я парю, словно птица, в густом клубящемся тумане. В этом белом безмолвии не было ни верха, ни низа, ни сторон света. И когда я отчаялся, и стало казаться, что я останусь здесь до окончания века, где-то далеко внизу появилось пятнышко света. Я полетел к нему, набирая скорость. Чем ниже я опускался, тем становилось холоднее. Пятно света увеличилось и превратилось в большую, матово святающуюся, спираль. Когда я завис над ней, то понял, что это не просто спираль, а спиральный лабиринт, в центре которого разливалось темно синее сияние. Очарованный синевой, подобной которой не существует в мире Яви, я попытался приблизиться к нему, но невидимая преграда не дала этого сделать. Кружа над лабиринтом, я вскоре определил, что он защищен куполом силового поля. Наконец, я приземлился в том месте, где начиналась разворачиваться спираль. Приблизившись насколько это было возможно к упругой преграде, я стал разглядывать лабиринт, оказавшийся объемным призрачным сооружением, стены которого переливались холодным белым пламенем, наподобие полярного сияния. Переведя взгляд под ноги, я увидел, что стою на черных полупрозрачных плитах. Было видно, что Лабиринт уходит вниз, под плиты, как будто там, под ними находится еще одно сооружение, зеркальное верхней части. Обе части по центру пронзал столб синего пламени, в виде оси, соединяющей их в единое целое. Стремясь лучше рассмотреть странное, словно сделанное из стекла, сооружение, я поднял левую руку к лицу, чтобы прикрыть глаза от слепящего света. В этот момент из синего столба вырвалась молния и вонзилась своим жалом в мою ладонь. От острой боли, пронзившей руку до самого плеча, я проснулся. Левая ладонь нестерпимо чесалась. Уж не подхватил ли я какой-нибудь экзотический лишай, с испугом подумал я, остервенело расчесывая ладонь. Но обращаться к врачу почему-то не хотелось. Внизу звякнуло, это мать, придя с дежурства, возилась на кухне. Часы показывали восемь утра. Спать не хотелось, и я решил составить матери компанию – выпить вместе с ней чаю. Спустившись со своего чердака, по дороге заглянул к брату, он еще спал. Наверное, поздно пришел с дискотеки и теперь до обеда не встанет, уныло подумал я. Значит, все хозяйственные хлопоты взвалит на мои плечи. Так и случилось: мать наказала мне вскопать до обеда грядку и сходить в магазин за продуктами, вручив целый список того, что необходимо купить. Выпив чаю, она отправилась спать, а я взял тетрадку, решив записать свой сон. Мне и раньше снились необычные сны, но этот был слишком странным. Он имел какую-то мистическую связь с моей родинкой в виде спиральки, я чувствовал это, что называется, «всею кожей». Еще я чувствовал, что

моя жизнь в мгновение ока изменилась. И изменение это произошло, когда я, стоя в центре преобразившегося мира, вобрал в себя его янтарный свет. Интуитивное ожидание необычного, врывавшееся в мою жизнь, заставляло сердце то останавливаться, заливая холодом грудь, то бешено стучать, и тогда меня бросало в жар. Отложив тетрадь, я посмотрел на часы, пора было идти в магазин. День вступал в свои права.

Перед обедом приехал отец, и я больше не вспоминал о странном пятнышке на руке – отвлекли куда более интересные дела: отец обещал взять меня на вечернюю рыбалку с ночевкой. Мы собирались ехать вдвоем, так как Ярослава больше интересовала одноклассница Вика, живущая недалеко от нас, поэтому от рыбалки он отказался. День прошел незаметно в сборах и разговорах с отцом, которого я не видел всю неделю. Когда солнце стало клониться к закату, мы загрузили в старый военный «козлик» палатку, удочки, продукты, котелок для ухи, закопченный алюминиевый чайник, прочие причиндалы и отправились в путь.

1.3. Рыбалка с молнией

До озера в лесу добрались уже в сумерках. Отец стал ставить палатку, а я таскать хворост для костра. Разведя костер и поужинав домашними бутербродами, мы взяли спиннинги и пошли рыбачить. Вдоль берега тут и там возвышались над водой разного размера валуны. Перебираясь с камня на камень, мы с отцом зашли подальше в озеро и забросили спиннинги. Стало уже совсем темно, на небе сквозь редкие тучи замерцали первые звезды. Природа засыпала и на мир снизошла тишина. Рыбалка не клеилась, вся рыба, похоже, тоже решила пораньше лечь спать. На двоих мы поймали одного карася средних размеров. Впрочем, на уху его хватило. Отец, уставший после напряженной трудовой вахты, лег спать, устроившись на надувном матрасе между палаткой и костром. Мне же спать не хотелось. Решив, пока не сплю, поддерживать костер, я подбросил в него хвороста. Костер затрещал с новой силой. Через некоторое время, взяв бинокль, фонарик и одеяло, я перебрался на большой плоский валун, торчащий из воды метрах в пятидесяти от нашей стоянки.

Сложив одеяло в несколько слоев, чтобы мягче было сидеть, я уютно устроился на нем и начал обозревать окрестности. Но вскоре оставил это занятие, так как кроме брезентового армейского «вездехода» и палатки, освещаемой мятущимися всполохами костра, да круга озера, подсвеченного серебристым светом Луны, висевшей в прорехе между появившимися невесть откуда черными тучами, ничего не было видно. Мной овладело спокойствие, какого не бывает в нашей суетной обыденной жизни. Я смотрел на мерцающее зеркало воды, которое казалось кратером вулкана, заполненного вместо лавы жидким струящимся светом. Мысли в голове замедлили свой бег и остановились. Я заснул. Разбудил меня удар грома. Луна исчезла, все вокруг было залито чернилами ночи. Костер почти потух. Я посмотрел в бинокль: отец спал, его гром не разбудил. Решив вернуться к костру, я уже поднял руку, чтобы включить налобный фонарик, но тут мое внимание привлекло пятно желтого света над озером. Пока я настраивал бинокль, пятно вдруг стронулось с места и зигзагообразно двинулось к берегу. Когда оно приблизилось, мне стало видно, что это шаровая молния, и движется она прямо к костру, как будто его свет притягивал ее к себе. Повисев над костром, молния двинулась к отцу, описав вокруг него круг, она зависла над его головой. Затем сделала пару кругов над палаткой и снова остановилась примерно в метре над землей. Она была похожа на собаку, бегающую кругами и обнюхивающую незнакомую территорию. Я с интересом ждал, куда она направится дальше. Шаровая молния, словно услышав мои мысли, энергично двинулась в мою сторону. Я замер, продолжая смотреть на нее в бинокль, в груди неприятно похолодело. Медленно опустив бинокль, я обнаружил огненный шар, диаметром сантиметров сорок, висевший на уровне моего лица. Свет от него слепил глаза, но мне удалось рассмотреть, что внутри него что-то есть. Его внутренняя структура представляла собой объемные пчелиные соты, а наружная оболочка состояла из нескольких более темных слоев. Молния была похожа на какой-то сложный механизм, сделанный из плазменной материи, механизм, не принадлежащий нашему миру. В центре ее, светя тусклым светом, медленно крутился красный «апельсин». Из слегка пульсирующего и покачивающегося шара выдвинулся отросток, который словно тонкое электрическое щупальце, медленно и опасно потянулся ко мне. Раскатисто ударил гром и пучок молний, шипя, вонзился в центр озера. Когда мои глаза вновь адаптировались к темноте, шаровой молнии уже не было, она исчезла. Неожиданно стало печь в районе пупка. Ощущение было не очень болезненное, но неприятное до тошноты. Я включил фонарик и резво запрыгал по камням к берегу. На берегу я постоял несколько секунд в недоумении. Жар в животе пропал так же неожиданно, как и появился. У меня мелькнула сумасшедшая мысль, уж не шаровая ли молния обосновалась в моем пупке, но из-за абсурдности я ее отбросил. Подбежав к костру, я увидел, что отец проснулся.

– Похоже, будет хороший ливень! – Зевая, сказал отец.

– Надо перебираться в палатку. Не повезло нам с рыбалкой, – с сожалением добавил он. Гроза расходилась не на шутку. Частокол молний с интервалом в несколько секунд вставал над озером, а небо на горизонте время от времени вспыхивало синим светом, как будто там работали с гигантской электросваркой небесные великаны.

– Может быть, они пытаются заварить дыры в тучах, чтобы вода не затопила Землю? – Пришла мне в голову шальная мысль. Дождь начался неожиданно. Мы, закрывшись в палатке, слушали, как его струи с силой бьют в крышу, словно пытаясь сделать из нее решето. Под дробь дождя, вспышки молний и взрывающиеся петарды грома уснуть не удалось. Под утро гроза закончилась. Измученные бессонной ночью, мы с отцом быстро погрузили вещи в машину и отправились домой, где блаженно проспали до самого вечера, пока мать не разбудила нас на ужин. Она нажарила большую сковородку рыбы, купленной в магазине, половину которой мы с отцом молча, умяли. Ярослав, поглядывая на нас, усмехался, но ничего не говорил. В поселке грозы ночью не было. Похоже, этот катаклизм был локального масштаба, ограниченный районом озера.

1.4. Странный сон

Спать я лег поздно. А ночью мне опять приснился необычный сон. Я снова был около озера. Тусклое красное пламя костра плясало кровавыми отблесками на стоящем рядом «козlike». Между ним и костром, укрывшись одеялом до подбородка, спал отец. Его короткостриженные волосы казались огненно-рыжим ежиком при этом мертвенном освещении. Луны не было видно, но ее свет проникал сквозь прорехи дырявых туч, из-за чего казалось, будто на небо накинута огромная сеть, сотканная из тьмы и бледно лимонного света. Я отошел от костра и сел на камень у озера. Его поверхность была темно-фиолетовой, и в ней совершенно не отражался призрачный свет, льющийся с неба. Было очень тихо. Недалеко от берега под гладью воды появилось расплывчатое пятно, которое стало разгораться все ярче, уменьшаясь при этом в размерах. Что-то поднималось из темных глубин к поверхности. И вот из озера вынырнул большой бледно золотистый шар. Повисев несколько секунд над водой, он зигзагами, плавно покачиваясь, поплыл ко мне, словно порхающая гигантская бабочка. Я встал. Шар диаметром чуть меньше метра остановился на расстоянии вытянутой руки от меня. Внутри него пылало золотисто-оранжевым светом раскаленное ядро. Вдруг, словно с моих глаз спала пелена, я увидел, что внутри шаровой молнии парит, свернувшись клубком, огненный дракон. Дракон был похож на спящую кошку, уютно посапывающую где-нибудь на мягком кресле. Его длинная изящная мордочка покоилась на скрещенных когтистых передних лапах. Узкий длинный хвост с кисточкой на конце, свернутый кольцом, лежал на полупрозрачных крыльях, прикрывавших заднюю половину туловища. Его чешуя, похожая на мелкие раскаленные монетки, сверкала и переливалась, а легкая грива колыхалась, словно перистые красные водоросли в толще воды. Загибаясь назад – на шею, из его лба выходил гладкий рог, испускавший белое матовое свечение. Оцепенев от удивления, я стоял неподвижно, разглядывая это чудо. Вдруг он приподнял голову, открыл глаза и посмотрел на меня. Два синих сапфира без зрачков встретились с моим взглядом. Несколько секунд он смотрел мне в глаза, затем встрепенулся, разворачивая свои кольца. Огненный шар с легким шелчком лопнул, и дракон с быстротой молнии взметнулся в небо, превратившись в огненную точку, которая вскоре затерялась среди туч. Костер почти погас, лунная сеть на небе померкла, его полностью затянули черные грозовые тучи. Начиналась гроза. Когда я принялся будить отца, небеса раскололись. Толстые глоты молний хлестнули по озеру и заплясали свой смертельный танец. Через несколько секунд ударили раскаты грома. Наверное, так начинается Апокалипсис, подумал я и проснулся. В комнате было темно. Часы с фосфоресцирующими стрелками и цифрами, стоящие на тумбочке в изголовье кровати, показывали два часа ночи. Сна как не бывало. Голова была ясная, лишь в ушах на грани слуха тихо гудело, будто внутри нее работал трансформатор. Я полежал несколько минут, размышляя о последних событиях в моей жизни, в которой мир сновидений переплелся с реальностью самым причудливым образом. Какой из этих миров истинный? А какой есть его отражение? Мир, который я ощущаю своими пятью чувствами и несовершенным человеческим умом, или мир Души – моего бессмертного, таинственного и всезнающего, но невидимого аспекта. Может ли Душа через сны показывать мне то, что я сам не могу разглядеть? Что это за призрачный Лабиринт с подземельем я видел во сне? И что означает проснувшийся огненный дракон? В конце концов, я решил, что в любом случае моя жизнь стала интересней. Впереди три месяца каникул, и, возможно, что-то прояснится, надо только подождать.

Почувствовав голод, я спустился на первый этаж и пошел на кухню, где выпил кружку молока с куском пирога. Подумав, сделал себе еще бутерброд с сыром, налил холодного чая и отправился в свою комнату на чердаке, удивляясь своей неожиданной прожорливости. Обычно я ем мало, а в последние дни аппетит совсем пропал. Мать даже шутила, не питаюсь ли я солнечным светом и не решил ли я присоединиться к солнцеедам. С месяц назад я прочел

в какой-то газете небольшую заметку об этих самых солнцеедах, но решил, что это вранье, быть такого не может. Что мы, в растения, что ли эволюционируем? Хотя было бы неплохо питаться одним светом, сколько бы времени высвободилось! Не нужно было бы ни фабрик, ни огородов, ни магазинов. Но с другой стороны, не было бы ни шоколада, ни сгущенки, ни тортов, ни маминых пирогов. Смог бы я отказаться от всякой вкуснятины? Сложный выбор, решил я, вздохнув. Выключив свет и отодвинув занавеску, я открыл оконную раму и посмотрел на огромный диск Луны, висевший над кромкой леса. Сегодня Луна приняла облик сердитой старухи, взирающей на меня с небес. Иногда она походила на лицо женщины или молодой девушки, а иногда, как я ни прищуривался, не видел на лунном диске ничего, кроме пятен тени. Окно выходило на наш огород, за которым находилась большая поляна. Днем на ней, привязанная к кольшку, паслась наша коза Машка. За поляной начинался малинник, а за ним сосновый лес. Но сейчас я не узнавал знакомого пейзажа, залитые лунным светом, сосны и кусты казались серебристо-голубыми. Пахло сосновой смолой, травой и еще чем-то неуловимым. Пару раз ухнула сова, добавив мистики к волшебному виду, открывающемуся из окна. Наконец оторвавшись от созерцания ночной природы, я лег спать, оставив окно открытым.

Утром я проснулся рано, в начале восьмого. Внизу было тихо. Сегодня вторник. Отец уехал на службу вчера утром, а матери в поликлинику к двенадцати, соображал я. Под ложечкой засосало. Жутко хотелось есть, будто я и не ужинал посреди ночи. Умывшись, я поспешил на кухню, в надежде чем-нибудь поживиться. Мать уже не спала. Она пила кофе и читала журнал «Чудеса и приключения». Я хихикнул про себя, название журнала можно было взять заголовком к описанию моей жизни в течение последних нескольких дней. Пока мать жарила мне яичницу с колбасой, я успел разогреть в микроволновке и съесть последний кусок пирога. Вывалив всю сковородку на тарелку и отрезав большой ломоть хлеба, я начал с аппетитом уплетать завтрак.

– Что, вчера поздно пришел с тренировки и не стал ужинать? – Спросила мать. Я чуть не поперхнулся и пробормотал сквозь зубы, что не было аппетита. С последними событиями, я совсем забыл, что сегодня в пять вечера у меня тренировка в Доме Культуры, который между собой мы с ребятами называли просто – клуб.

– Зато сегодня у тебя аппетит, какой и должен быть у мальчишки твоего возраста, – заметила мать. Насытившись, я решил посмотреть по телевизору спортивную передачу и вернулся на свой чердак, захватив кружку чая и пачку печенья. Мать как-то странно на меня посмотрела, но ничего не сказала.

После обеда я засел в Интернете, решив пополнить свой багаж знаний. Скачал пару статей, в которых авторы рассуждали о природе сновидений. Но все было не то, так как писали их люди, которым видимо ни разу не снились сны, подобные моим. Все их домыслы о призрачной природе снов сводились к телесным рефлексиям. Сны как реакция мозга на еще не проявленную болезнь, сны как реакция мозга на дневные эмоции, сны как переваривание мозгом информации, полученной днем... Частично, все это было так, но данный уровень сновидений был низшим, тесно связанным с материальным миром. А меня интересовало нечто другое, меня интересовали полеты души, когда мозг, перелопатив информацию и послав сигнал в подсознание о неполадках организма, с чувством выполненного долга, засыпал, давая простор действиям моему высшему аспекту. Меня заинтересовали форумы на тему осознанных сновидений, это было уже «горячее». Но сны, описанные «соннонавтами» были слишком фрагментарны, обрывочны и приземлены: гуляние по комнате рядом со спящим телом, полеты в квартиры к знакомым или выглядывание на улицу сквозь стены, но никаких описаний проходов через порталы и путешествий в параллельные миры. Самое интересное, что мне удалось выудить, это лекции профессора Рудольфа Штайнера о сновидениях. Он считал, что цепь наших перерождений неразрывна, и наши прошлые жизни тянутся за нами в виде «шлейфа». И поэтому во время сна можно «оглянуться назад», то есть просмотреть свои инкарнации,

вернувшись во времени в прошлое. Увидеть свои забытые жизни, вновь ощутить себя живущим сотни, а может и тысячи лет назад! Это уже смахивало на машину времени. Выходит, моя душа может свободно путешествовать во времени, пусть даже только во сне! Это мысль меня заинтересовала, и я решил позже поразмышлять над ней. Но если можно оглянуться назад, значит можно заглянуть и вперед, в будущее. Например, это мог делать Мишель Нострадамус, описавший в своих катренах будущее до третьего тысячелетия включительно. Зазвенел будильник, который я поставил на начало пятого, чтобы не опоздать на тренировку. Выключив ноутбук, я выпил стакан чая с бутербродом, обедавшись перед занятиями не стоило, и отправился на секцию.

После разминки Марк показал нам новый элемент борьбы, и мы стали его отрабатывать в спаррингах. Как я ни пытался сосредоточиться на борьбе, мои сны произвольно вторгались в мысли, отвлекая от занятий. В конце концов, Марк заметил мою рассеянность и в перерыве спросил, в чем дело. Я кратко рассказал ему о рыбалке, появившейся из озера шаровой молнии и о своем сне, в котором внутри такой же шаровой молнии я увидел спящего дракончика.

– И что было дальше с дракончиком? – заинтересовались, окружившие нас с Марком ребята. Они с интересом слушали мой рассказ.

– Дракончик проснулся, молния лопнула, а он улетел. На этом сон закончился, – ответил я. Марк внимательно посмотрел на меня, подумал и сказал: «Наверное, твой дракон просыпается!».

– Какой дракон? – возбужденно загомонили ребята.

– Что за дракон? Драконов не бывает, это сказки! Поясните!

– Тише, тише, успокойтесь – сказал Марк.

– Придется вам рассказать о драконе, который в восточных учениях называется Кундалини. Усаживайтесь удобнее и слушайте.

Мы не заставили себя долго упрашивать, расселись на матах полукругом напротив Марка и затаили дыхание.

Я не увлекался эзотерической литературой, впрочем, мистической также. И без мистики в мире было много интересного: компьютеры и компьютерные игры, музыка, спорт, прогулки по лесу, рыбалка, мотоциклы. Всего и не перечислишь. Поэтому термины, которыми «нагрузил» нас Маркел были мне незнакомы: чакры, анахата, трансмутация, кундалини... со всем этим предстояло разбираться. Я вздохнул, в последнее время мне и так приходилось перелопачивать много информации, выискивая интересующие меня факты. Я чувствовал, как вся эта информация заполняет этажи моей памяти, утрамбовываясь в монолитные кирпичи. Утешало только то, что наш мозг загружен всего на каких-то пять процентов, так что в его кладовых места было достаточно даже для того, чтобы загрузить туда Большой Энциклопедический Словарь.

Я лег на свой диван и проспал до одиннадцати часов утра.

2. Учитель и ученик

2.1. Инкубус из пепла

Марк начал свой рассказ со средневековья. Оказывается, уже в то время существовали ученые, которые назывались алхимиками. Позже, избавившись от всякой мистики, они превратились в современных химиков. Так вот, эти сами средневековые алхимики знали то, чего наши химики, выбросив старые знания как лженаучные, не знают, по крайней мере, в школе нам об этом ничего не рассказывали.

А знали они следующее: все растения и минералы кроме своей видимой части имеет еще и невидимую надстройку. Марк рассказал, что алхимик Джеймс Гаффарель, живший в семнадцатом веке, писал в своих трудах об астрально-световых телах, окружающих растения. Он описывал опыты «Польского врача из Кракова», ныне известного под именем Парацельса, и называл их «искусством делать Невидимое – видимым для глаза». Парацельс сжигал растение и высыпал пепел от него в склянку. У него в лаборатории были собраны склянки почти со всеми известными ему растениями. Взяв, например, склянку с пеплом от розы, Парацельс нагревал ее на пламени свечи и затем встряхивал. Облачко пепла принимало вид розы, затем роза распадалась, но при каждом встряхивании появлялась вновь.

– Эти невидимые «тела» были вновь открыты в прошлом веке и получили название Аур, – пояснил Марк.

– Подобный опыт, но уже на современном оборудовании в 1985 году повторил сотрудник Института физико-технических проблем АН СССР Петр Горяев. Лазерным лучом он считывал информацию с пустого пространства, где до этого стояла пробирка с веществом, так – будто бы она все еще там находилась. Свою теорию Горяев назвал Теорией Волновой Генетики. С помощью лазера Горяев накладывал информацию с одного объекта на другой. Так, облучив клубень картофеля излучением, снятым с мыши, он вырастил из него куст с мохнатым картофелем. Интересно, что фантом убранного объекта стоит на месте сорок дней. С этим, видимо, связан обычай поминать умерших людей на сороковой день, когда они окончательно покидают наш мир.

Я слушал Марка, а в голове моей роем кружились мысли. В далекие времена на земле существовали развитые цивилизации, такие как Шумер, Вавилон, Египет – думал я. А что если все те фантастические существа, описанные в мифах, и с которыми древние герои постоянно сражались, такие как Кентавры, Грифоны, Ехидны, существовали на самом деле? Что, если Тезей сражался с Минотавром в реальной жизни? Кто знает, какие технологии были доступны древним? В индийском эпосе, например, сохранились не только сведения о летающих машинах – виманах, но и их чертежи. В моем возбужденном воображении возник образ грифона, догоняющего человека и разрывающего его своим огромным клювом на части. А кентавр? Лошади-то питаются травой, а он чем? Тут же возникла картинка: кентавр, рвущий руками траву и запихивающий ее себе в рот. Нда! В картинке сквозил явный диссонанс. Не вяжется! Вот кентавр, жарящий на вертеле кабана и с наслаждением рвущий зубами горячее мясо, это да, это реальнее. Мне стало не по себе, не хотел бы я жить в мире подобных химер.

– Глеб, о чем ты мечтаешь? – спросил Марк.

– Не отвлекайся!

Я отбросил свои мысли прочь и снова стал слушать.

– Наследственная информация передается не только через ДНК, но и через энергетические поля окружающие молекулы ДНК. Эти поля имеют волновую природу и являются мат-

рицами, в которые заложена вся информация об объекте и развертывание ее во времени, – рассказывал Марк.

– То есть все объекты имеют на тонком плане голографический план-матрицу, называемый волновым геномом, по которому реализуется живой биологический объект, будь то человек, животное или растение. К этой же группе относятся и кристаллы. В каждой группе развертывание информации во времени происходит с различной скоростью, поэтому баобаб живет тысячи лет, кристаллы, например, алмазы – миллионы лет, человек, в среднем, восемьдесят, овощи вызревают за несколько месяцев, а какой-нибудь мотылек живет всего несколько дней. Но тогда можно предположить, что и более крупные объекты, будь, то солнечная система или галактика, также реализуются по божественному плану, существующему на тонком уровне. Этот план представляет собой голографическое изображение данного объекта, в котором записана вся информация о нем и ее развертывание во времени на материальном плане, ее материализация.

– Ну, а теперь рассмотрим непосредственно энергетическую систему человека – продолжил Маркел.

– В ауре, пронизывающей материальное тело, имеются энергетические центры в виде семи «колес» – вихрей энергии, расположенных вдоль позвоночника, их называют чакрами, что в переводе с санскрита и означает «колеса». Верхняя, седьмая чакра, находится на лбу. В зависимости от частоты вибраций чакры различаются по цвету: от красного до фиолетового, поэтому их еще называют дорогой Ра – Ра-дугой. Нижняя чакра, которая находится у основания позвоночника, на копчике, является аккумулятором. В ней хранится импульс энергии, которым каждый человек обладает с рождения. Ее символически изображают в виде свернувшегося в кольцо дракона или змея Кундалини. Цель жизни человека на Земле – поднять энергию Кундалини по позвоночному столбу до самой макушки, активируя при этом все свои энергетические центры. Символом Кундалини является Урей, который в виде готовой к броску кобры, красуется на головных уборах фараонов. Урей символизирует защиту и способность фараона использовать свои развитые психические возможности, в отличие от простых смертных.

– Сердечную чакру, среднюю, эзотерики называют – Анахатой и считают ее центральным духовным органом человека. Она похожа на лотос, имеющий двенадцать лепестков-вихрей. Анахата управляет остальными Чакрами. Она концентрирует в себе духовную и психическую энергию человека, а также является многоуровневым «порталом» между планами мироздания, космическим органом, который объединяет весь Веер Миров: его различные «этажи» – в единое целое. В человеке Сердце соединяет два мира – духовный и материальный. Сердце, это орган, где невидимая Душа соединяется с материальным центром.

– Что-то вроде розетки, – подумалось мне, – это как подключение компьютера к сети. Выключи компьютер, и он «уснет». Так и с человеком, ночью Душа отключает тело, а сама отправляется в путешествие по невидимым мирам.

Мои мысли понеслись как табун ошалелых мустангов, который был остановлен обращением ко мне Марка:

– Глеб, где ты витаешь!

Укоризненно посмотрев на меня, он продолжил:

– Открытие сердечной чакры является важным этапом в духовном восхождении человека. Она служит «мостом» перехода от его животной природы к божественной. Анахата, излучает изумрудное сияние и находится в центре Лестницы света – Ра-Дуги, являющейся путем, который должен пройти человек в своих земных воплощениях, чтобы навсегда покинуть мир материи. Являясь центром цветового спектра, она как «Изумрудная стена», разделяет и уравнивает мир материи и мир духа. По этой же радужной лестнице в тело человека спускается Дух, так как Человек и Дух всегда идут навстречу друг другу.

Я посмотрел на левую сторону груди.

– Какой же это портал, как им пользоваться? – в недоумении соображал я. Я вспомнил, что порой во сне оказывался в совершенно фантастичных мирах, которых в реальности не было.

– Может быть, портал открывается только в сновидениях, и душа улетает через него в параллельные миры? А я вижу ее путешествия как будто это мои сны. Ну, сон, он и есть сон, проснулся, и нет ничего? Вот если бы, в самом деле, найти проход, через который я мог бы попасть в иные миры или в прошлое, там, где есть рыцари, замки и принцессы. Вот это было бы интересно! – размечтался я.

– А от снов, какой мне практический прок?

– Нижняя часть спектра, – продолжал рассказывать Марк – от красного до желтого цвета, имеет огненную мужскую природу – солнечную или Ян. Красный это – огонь, страсть, гнев, сила, вдохновение. Оранжевый – власть, контроль, любознательность. Желтый цвет – творческие способности, интеллект, противодействие, самостоятельность. Верхняя часть спектра – соответствует женской лунной природе, энергии Инь. Голубой цвет – религиозность, любовь, сострадание, грусть. Индиго – мистицизм, паранормальные способности, проникновение в скрытые глубины мироздания. Фиолетовый цвет – духовность, ясность мышления, внутренняя сила, трансцендентность, мастерство.

– Так идентифицировали ступени Лестницы Света друиды, жрецы, жившие когда-то в Британии, – пояснил Маркел.

– Зеленый цвет – равновесие, разделение, исцеление, тайные знания, хрустальная линза, трансформирующая животное эгоистичное начало, когда человек находится в состоянии постоянного коллапсирования – «все до сэбе», в духовное совершенство, когда человек начинает излучать свет, превращаясь из «черной дыры» в минисолнце. На Лестнице восхождения к Духу ступеней – бесчисленное множество. Каждая ступень представляет собой Октаву, состоящую из семи цветов, семи вибрационных планов. Человек пока стоит на низшей ее ступени.

– Следование по Пути Духа подразумевает трансмутацию, изменения своей природы, поднятие вибраций материального тела для вхождения в круговой поток сознательной энергии, называемого Уроборус, который в древних манускриптах изображается, как змея, кусающая свой хвост.

– Чтобы пропустить через себя высокочастотную энергию – нужно сжечь «предохранитель», это разрыв над макушкой головы на пути энергии, идущей из тонкого мира. Он не дает энергиям высших сфер проходить через канал в материальном теле человека, потому что для неподготовленного тела это будет катастрофой. Оно попросту разрушится, «сгорит». Когда человек активизирует все свои чакры, он сможет управлять своей психической энергией. Тогда ему не нужно будет оружие, так как оружием станет он сам.

– На сегодня все! – закончил Марк. Видимо он заметил, как я зеваю, старательно прикрывая ладошкой рот.

– Но мы еще вернемся к данному вопросу, а пока по домам.

Вернувшись домой, я буквально опустошил холодильник.

– Этак я скоро превращусь в Вини-Пуха – думал я, допивая второй стакан горячего какао и доедая очередной бутерброд.

– То ли молния прожгла в моем желудке «черную дыру», в которой без остатка исчезает еда. То ли это проснувшийся дракон поглощает пищу в непривычных для меня количествах, оголодал видимо после долгой спячки? – хихикнул я про себя.

Вечером, лежа на диване, я прислушивался к своим ощущениям. Не изменилось ли что во мне? Но нет, все было, как всегда. Похоже, мой дракон совсем и не думал просыпаться в реальности. Разочарованный и уставший после занятий я уснул.

В эту ночь мне приснилось, что я стою на своем излюбленном месте на вершине утеса около каменной Химеры. Огромный диск Луны висел напротив меня на той стороне ущелья. Он походил на раскаленный багровый глаз демона, равнодушно взирающий с небес на покрытую мраком землю. Рядом что-то зашевелилось. Я повернул голову, и сердце мое замерло от ужаса. Каменная Химера ожила и тяжело поднималась на приземистых мощных лапах. Ее глаза без зрачков горели синим пламенем, короткий рог на лбу сверкал холодным металлическим блеском, а тело топорщилось каменной чешуей. Встав на лапы, она встряхнулась словно большая собака. По ней пошли трещины, и куски каменной шкуры стали отваливаться, словно она сбрасывала ставшей ненужной старую оболочку. Зачарованный я смотрел, как из каменного чудовища рождается новая Химера, превращаясь в пепельно-серое короткошерстное существо с мордой то ли собаки, то ли дракона. Это было странное существо, обладающее когтистыми львиными лапами и слюдянисто поблескивающими крыльями, плотно прижатыми к бокам. Преобразившись и даже не взглянув в мою сторону, Химера развернула мощные крылья, покрытые не перьями, а чешуей, переливающейся темным изумрудным блеском. Присев на задние лапы, она прыгнула с утеса и полетела по направлению к лунному диску. Оцепенев, я смотрел, как то, что казалось Луной, приблизилось ко мне и превратилось в раскаленное жерло вулкана. В него: то ли влетала, то ли падала Химера, и багровые отблески пламени играли на ее шкуре. Вот она ярко вспыхнула и осыпалась серебристым облачком пепла. Я стоял на краю утеса, а с неба бесшумно падали хлопья пепла, похожие на крупные снежинки. Его становилось все больше. Я уже перестал что-либо различать в этом пеплопаде, а он все шел и шел.

Я проснулся в поту и с лихорадочно бьющимся сердцем.

– Ну и сны мне стали сниться, кошмары какие-то! То огненные драконы, то летающие собаки! – Думал я, сидя на диване. Реальные события отражались в сновидениях, словно в кривом зеркале, обретая свою, непонятную и пугающую меня, жизнь.

– Слишком много новых впечатлений в последнее время обрушилось на мою бедную голову, вот мозг и глючит в стремлении их переварить. Да еще и наелся на ночь как удав – уныло думал я, вставая, чтобы спуститься на кухню. Выпив там стакан холодной воды, я успокоился, вернулся в комнату и вскоре крепко уснул, на этот раз без сновидений.

2.2. На путь война

В среду отец сказал, что с пятницы он в отпуске, ему нашли замену. И отдыхать он будет два с половиной месяца, отпуск дали сразу за два года. Отец был инженером-электронщиком, и обслуживал сложное оборудование на военной радиолокационной станции. В прошлом году его не отпустили, так как на станции велись ремонтные работы, и было необходимо присутствие отца.

– А так как у матери отпуск начинается позже, то и в Аркаим мы поедем ориентировочно через два месяца, всей семьей. Поездка займет четыре дня: день туда, два дня на месте и день на обратную дорогу. Успеем съездить до конца моего отпуска! – Объявил отец. Я прикинул, что это будет начало августа.

– А пока мы с вами будем ходить в лес, на рыбалку, и помогать матери в огороде, – сказал он, обращаясь к нам с Ярославом. Ярослав воспринял его слова без энтузиазма. В последнее время он серьезно увлекся музыкой. Ярослав в этом году окончил музыкальную школу, хорошо играл на гитаре и саксофоне. В следующем году он заканчивал одиннадцатый класс и серьезно подумывал поступить в консерваторию, инженерная и военная деятельность его не привлекала. В то время, как я хотел стать кадровым военным. Он и еще трое ребят даже объединились в ансамбль, и с увлечением тренировались в ДК, когда была свободна ударная установка с большим барабаном и медными тарелками. А я был рад проводить больше времени с отцом. К тому же я надеялся, что мы чаще будем ездить с ним на стрельбища. Отец с двенадцати лет учил меня стрелять. Сначала с мелкокалиберной винтовки, потом с охотничьего ружья и арбалета. А последние полгода я иногда ездил к нему в часть, где учился в тире стрелять из пистолета, винтовки и даже из автомата. Не знаю уж, как отцу это удалось, но мне разрешили посещать тир в его присутствии. А в лесу, возле охотничьей избушки, где мы иногда ночевали, отец поставил стенд, и я учился метать ножи. У меня это неплохо получалось. Я чувствовал, что за весну возмужал не только внешне, но и физически, стал выносливее и сильнее. Занятия спортом не прошли зря.

– Жаль, что до сентября не будет занятий по боевым искусствам! – с сожалением подумал я. Маркел объявил на прошлой тренировке, что последнее занятие состоится завтра, и до начала нового учебного года мы свободны.

– Видимо, у него есть свои личные дела, – с грустью заключил я.

– Ну, ничего, буду заниматься самостоятельно!

Переделав за несколько дней домашние дела, отец предложил нам с Ярославом отправиться на полтора месяца в лес, пожить в охотничьей избушке, порыбачить и поохотиться. Ярослав отказался, а я с радостью согласился. Отец сказал, что в понедельник, рано утром мы выезжаем, и чтобы я собрал вещи. Я с энтузиазмом начал паковать рюкзак.

Отец поднял меня в пять утра, когда мать с братом еще спали. Мы, стараясь не шуметь, позавтракали, погрузились в отцовский Уазик и поехали. Хорошо, что мы выехали по холодку, день обещал быть жарким, на небе не было ни облачка. Время в дороге бежало незаметно. Я с наслаждением вдыхал лесные запахи, наблюдая, как просыпается лес. Дорога постепенно превратилась в еле заметную заросшую травой колею, ездили по ней редко. Наконец пересекли небольшой ручей, значит, до избушки остались считанные метры. Когда подъехали, отец начал выгружать из машины снаряжение, а я вынимал свой рюкзак, стоя спиной к избе. Вдруг по спине пробежал холодок. Резко выпрямившись, я оглянулся. На крыльце избушки стоял Маркел.

Я удивленно посмотрел на отца, но тот, как ни в чем не бывало, подхватил резиновую лодку и понес ее к дому. Маркел, спустившись с крыльца, поздоровался с нами и стал помогать носить снаряжение в домик. Я озадаченно молчал, решив подождать с вопросами. Отец

ничего не говорил о Маркеле, и я думал, что мы с ним, как обычно будем рыбачить и охотиться на рябчиков вдвоем. Иногда, правда, к нам присоединялся Ярослав, а матери с ее работой было не до поездок на природу. Но судя по поведению отца, присутствие Марка его не удивило. Значит, они договорились о совместном отдыхе заранее, но почему отец мне ничего не сказал? Отдых начинался необычно. После того как вещи были перенесены в избушку, Марк сообщил, что чайник вскипел и можно пить чай. Мы с отцом пошли на улицу, чтобы вымыть руки из умывальника, прибитого к старой березе. Намыливая руки, отец обронил, что Марк будет отдыхать вместе с нами, ничего не объяснив. Я опять промолчал, решив, что со временем ситуация прояснится. В общем-то, я был рад присутствию Марка, тайно надеясь, что смогу продолжить тренироваться здесь с его помощью. Когда мы пили чай на маленькой кухоньке, я исподтишка наблюдал за отцом и своим тренером. Я знал, что они были знакомы, тем более, что Марк время от времени проводил собрания, на которых присутствовали и наши родители. Но Марк никогда не приходил к нам в гости, и я не видел, чтобы у них с отцом когда-либо были общие дела. Я считал, что их знакомство было поверхностным, у каждого человека наберется несколько знакомых, с которыми он здоровается, интересуется как дела, но близкие друзья – это другое дело. Сейчас же по каким-то мельчайшим деталям, по тому, как они общались, я вдруг понял, что они друг друга знают хорошо. И даже очень хорошо. Мало того, они друг друга знают давно. Мне становилось все любопытнее.

Марк потянулся за бутербродом. Мой взгляд упал на его часы, черно-серый браслет с бронзово-золотистым узором красиво смотрелся на загорелом запястье. Точно такие же часы были у отца. До этого мгновения я не придавал этому никакого значения, мало ли у кого имеются одинаковые наручные часы, но сейчас данный факт заставил меня насторожиться и задуматься. Часы были не совсем обычные, более того, я больше ни у кого таких часов не видел, и в продаже тоже. У часов был черный квадратный циферблат без ободка, на котором ярко-зеленым высвечивались крупные цифры, показывающие время суток, а с каждой стороны в виде трех зубчиков выступали кнопки из желтого металла. С помощью кнопок с правой стороны можно было выставлять время и будильник. Если нажать среднюю кнопку с левой стороны, то цифры пропадали, а циферблат приобретал вид компаса с указанием сторон света, на котором желтая электронная стрелка острием указывала на север. Остальные две кнопки ничего не переключали, отец сказал, что они сделаны для симметрии. Часы были пылеводо-непроницаемые и анти ударные. Мне строго запрещалось их трогать, да это было и невозможно, так как отец снимал их очень редко, порой мне казалось, что он и спал в них. Когда я однажды рассматривал часы, выпросив их у отца, то обнаружил, что браслет и циферблат представляют собой единое целое, как будто это одна литая деталь. Черный браслет из материала похожего на пластик был сделан заподлицо с циферблатом и такой же ширины. Верхняя часть браслета была выполнена в виде двух рядов квадратных кнопок с фасками. Они были двух видов: черные и серые, и чередовались в шахматном порядке. На черных «кнопках» были нанесены сверкающие красной бронзой значки, похожие на иероглифы. Пепельно-серые «кнопки» были украшены значками, «нарисованными» тонкими золотыми штрихами, они были больше похожи на усложненные руны, чем на иероглифы. В темноте все значки мягко светились. Толщина браслета с циферблатом составляла миллиметров восемь. Я не обнаружил на часах никаких швов или крышки для замены батарейки, словно они были разовой штамповкой. Когда я об этом спросил отца, он ответил, что часы подзаряжаются от солнца и не нуждаются в батарейках.

Я оставил пустую кружку. Марк с отцом обсуждали предстоящую рыбалку и не обращали на меня внимания. Они сидели рядом, и я обратил внимание, что они похожи как дальние родственники: у обоих был характерный заостренный подбородок и узкое слегка вытянутое лицо, светлые волосы и серые миндалевидные глаза. Из-за разницы в возрасте их сходство

сразу не бросалась в глаза, отец был лет на пятнадцать старше. К тому же Марк носил аккуратную стрижку с длинным чубом, падающим на лоб, а отец – короткий ежик.

– Надо будет спросить у Марка, кто его родители и где он воспитывался. Вдруг тоже в детском доме?

Утром, после раннего завтрака, отец сказал, что они с Маркелом решили заняться моей тренировкой вплотную. Отец будет обучать меня в основном обращению со стрелковым оружием, а Марк – борьбой, владению мечом и прочими экзотическими видами вооружения. Также я должен буду бегать, плавать и учиться лазать по деревьям и скалам.

– Не слишком ли много всего я должен изучить и освоить за полтора месяца! – ошалело думал я, удивленный, и это еще мягко сказано, перспективой, развернутой передо мной отцом.

– Да и где здесь скалы, на которых я должен осваивать азы альпинизма? – я спросил его об этом. Отец несколько секунд внимательно смотрел на меня, затем выдал новость, которая меня сразила окончательно. Я был в полной растерянности. Отец, как само собой разумеющееся, объявил мне, что надолго мы здесь не задержимся, сегодня вечером порыбачим, сварим уху, а завтра по холодку двинемся дальше. Идти придется пешком целый день в хорошем ритме, так что мне нужно хорошо отдохнуть.

– И куда мы пойдем? – оторопело спросил я.

– В хижину Марка, о ней никто не знает, и ты никому не должен о ней говорить, даже брату, никогда не упоминать в разговоре со мной или Марком на людях. Когда мы вернемся домой, просто забудь о ней! Запомни это! Там есть и скала, и озеро, и необходимое вооружение и снаряжение. Я потрясенно молчал. Выходит наша экспедиция изначально планировалась специально для моего обучения, а не для отпускного отдыха. Только меня забыли почему-то поставить в известность о ее цели. Если уж говорить прямо, меня обманули, заманив сюда отдыхом с рыбалкой и охотой, а теперь поставили перед фактом. Ну и дела! Что-то в последнее время в моей жизни стало появляться много загадок. Я, конечно, не расстроился, наоборот, был рад потратить полтора месяца на интенсивную тренировку под руководством отца и Марка, но к чему такая таинственность?

Утром, сложив в рюкзаки только необходимую одежду, мы выступили в поход. Погода выдалась пасмурная, один раз даже взбрызнул дождик, так что идти было не жарко. Шли быстро и практически без отдыха. За весь день остановились всего два раза у попавшихся на пути ручьев. Попив воды, съев по бутерброду и отдохнув минут двадцать, продолжали путь. К вечеру я совсем выбился из сил. Марк подбодрил меня, сказав, что до заката мы доберемся до базы, там можно будет помыться и отдохнуть.

– Ого! Уже и «до базы»! Не слишком ли громкое название для охотничьей избушки! – Вяло подумал я. От усталости я слегка отупел, и «шевелить» мозгами не хотелось.

В лесу почти стемнело, когда мы, наконец, пришли. Последний километр пришлось идти с включенными налобными фонариками. Я с облегчением сбросил рюкзак, сел на пенек от спеленного дерева и снял туристические ботинки, ноги гудели. Строение, стоящее под кронами высоких сосен и в самом деле хижинкой не являлось. Небольшое одноэтажное здание с ровными гладкими стенами, с плоской крышей. И стены, и крыша бетонного куба имели явно маскировочную окраску: они были сплошь покрыты коричневыми, темно-зелеными и бежевыми пятнами. Подобный камуфляж я видел в кино на разведчиках или спецназовцах. Здание имело одну входную дверь и на фасаде – три окна в виде узких, высоко расположенных бойниц, остальные стороны мне не были видны. Вокруг базы не было ни площадок, ни дорожек, ни столбов или опор, вообще ничего, только нетронутый рукой человека лес. Перед крыльцом желтело песчаное пятно, а дальше трава и кустарники. Бани тоже не просматривалось.

– Значит, мыться придется в озере, а уже почти стемнело! – Уныло констатировал я.

Внимательно осмотрев крышу, я не увидел никаких проводов и антенн.

– Так, а свечки здесь есть! Ну и база! – Уже раздраженно подумал я.

– Глеб! Идем внутрь, возьми свой рюкзак! – Окликнул меня отец, стоящий на крыльце вместе с Марком. Я поднял рюкзак и понуро поплелся к ним. Моя одежда вся пропиталась потом, спина чесалась.

– Сейчас бы в нашу баньку! – Грустно подумал я, поднимаясь по ступенькам, цоколь был высокий, около метра. Я не видел, чтобы Марк открывал дверь ключом, но когда он толкнул ее ладонью, она открылась. Через мгновение за ней вспыхнул яркий свет. За дверью проявился пустой коридор, на стенах которого светились матовые полусферы. Они красиво сочетались с темно-зелеными стенами.

– Откуда здесь электричество! – Только и смог я воскликнуть в изумлении.

– Это секретная военная база, – пояснил Марк, – поэтому о ней никто не должен знать!

Я не мог не верить его словам, но что-то меня смущало. Зачем нужна в лесу база? Слишком уж она была мала. С правой стороны коридора было три таких же узких окна, как и на фасаде, а с левой – три двери. Я заглянул в первую, там находился туалет с раковиной для мытья рук. Отец с Марком зашли в следующую дверь, которая оказалась небольшой кухней-столовой, сверкающей хромированной сталью и черно-белым пластиком. Мебель и кухонное оборудование было так удачно скомпоновано, что здесь даже поместился черный кожаный диван. Напротив него висел на стене большой плоский телевизор. Пока взрослые готовили бутерброды к чаю, я пошел ознакомиться со следующей комнатой. Это была спальня, оставленная очень лаконично, ничего лишнего, две узких тахты, письменный стол с ноутбуком, пара офисных кресел и три небольших встроенных шкафа для одежды. Стены и потолок были отделаны пластиком светло-серого цвета. После легкого ужина отец сказал, что сейчас мы спустимся в подвал, где есть душевая, и я смогу помыться. Я уже устал удивляться, да и разморило меня после горячего чая, поэтому без слов взял рюкзак и пошел следом за Марком. Дойдя до конца коридора, он что-то нажал на стене, и торцевая панель бесшумно отъехала в сторону. Перед нами оказалась небольшая площадка и ступени, ведущие вниз. Спустившись в подвал, я понял, что база, собственно, находится под землей, а помещения наверху так, для отвода глаз. Здесь были душевые, рассчитанные на десять человек, пятнадцать небольших индивидуальных спален, два тренировочных зала, оружейная, тир, столовая, кухня, приличная библиотека с книжными шкафами и пятью отдельными компьютеризированными кабинками. Думаю, что были и еще помещения, но это все, что мне показали. Входы в комнаты были замаскированы под обычные стеновые панели, и обнаружить их можно было только по сканеру на стене, к которому нужно было приложить палец, чтобы дверь открылась. Мои данные ввели в управляющий компьютер, и я теперь мог входить в свою спальню, которую мне отвели для проживания, в общие помещения и выходить из подвала. Помывшись под душем, я рухнул на тахту и сразу уснул.

Утром после пробежки втроем и завтрака из готовых замороженных блюд, которыми, как оказалось, были забиты полки холодильника, Маркел повел меня в оружейную, где выдал настоящий меч в ножнах, бамбуковую палку, винтовку с оптическим прицелом, пистолет с кобурой и нож в футляре из кожи.

– С этим мы будем работать! – Кратко пояснил он. Также я получил два комплекта одежды для улицы, два – для «дома» и два для занятий в спортзале. Затем мы пошли в спортзал, где я стал делать разминку. Вскоре пришел отец, и они с Марком начали работу в спарринге. Мне было интересно посмотреть на их совместную тренировку, так как я впервые видел отца в паре со своим тренером. Я разминался, иногда поглядывая в их сторону, но потом увлекся и перестал обращать на них внимание. Наконец, устав, я остановился, вытер пот, стекающий со лба, и в буквальном смысле слова, остолбенел. Отец с Марком вели бой в полную силу. Удары и блоки следовали с такой скоростью, что я не успевал их отслеживать. Подобного я еще не видел. Оба двигались стремительно и, в то же время, плавно, словно танцующий смертельный танец. Это был бой мастеров высшего класса.

– Почему отец никогда не демонстрировал нам с братом свое умение? – Подумал я.

– Может быть потому, что не было равных партнеров? Или он скрывал свои возможности?

Я уже не сомневался в том, что отец и Маркел давно знакомы, и в том, что они не первый раз тренируются в спарринге. Их что-то связывало, но что?

– Придет время, и я узнаю. Раз уж они стали открывать мне свои тайны, значит, постепенно откроют все. По крайней мере, я на это надеялся.

– Но почему мне ничего нельзя рассказывать даже Ярославу?

Закончив тренировку с отцом, Марк принялся за меня. Потекли однообразные дни: я бегал, плавал, стрелял, «махал» мечом до тех пор, пока руки переставали меня слушаться. «Бился» то с Марком, то с отцом, осваивая различные приемы. Развивая силу пальцев, подолгу висел на ветке полу засохшего дерева, растущего недалеко от базы. Вечером быстро мылся, ужинал и, измочаленный, валился на свою тахту, проваливаясь в темноту без сновидений до утра. Через неделю вдобавок ко всему, начались уроки скалолазания. Дней десять с утра я по два часа ползал как краб по скале, невысоко над землей, цепляясь пальцами за все выступы и трещины. Затем работали со страховкой и крючьями. Потом обед и тренировки с оружием. После плавания и небольшого отдыха, схватки с Марком или отцом. Вначале мне казалось, что я умру, не дожив до вечера. Но через две недели с удивлением обнаружил, что стал гораздо меньше уставать, и что занятия стали доставлять мне удовольствие, а мое тело обрело скорость и выносливость. Я втянулся. Теперь я ползал по скале без страховки, правда, Марк не разрешал еще забираться слишком высоко. Пальцы стали сильными, я мог подтягиваться без помощи ног. У меня было такое ощущение, что я все это уже умел, но забыл. А теперь тело легко вспоминает старые навыки. Это было странное ощущение.

2.3. Мой дракон просыпается

Месяц прошел незаметно, еще две недели тренировок и пора возвращаться домой. Я сидел на вершине скалы и смотрел как огромный огненный шар солнца медленно и неуклонно падает в темную гряду облаков, протянувшуюся вдоль горизонта. Тень от скалы накрыла здание базы и небольшое озеро внизу, в котором мы ловили рыбу, а здесь наверху еще было светло. Сегодня я первый раз поднялся до самого верха скалы без страховки. Скала была не такая высокая, как та, на которой «сидела» моя Химера, но достаточной, чтобы разбиться насмерть, если упасть с нее. Из домика вышел отец и помахал мне рукой, приглашая на ужин. Рыбное меню мне порядком надоело, как и готовые замороженные блюда из холодильника. Один раз в неделю мы ходили на охоту, но много времени на нее тратить не могли, поэтому наши трофеи были скромные, куропатки и кролики не стремились попадаться нам на глаза. Я мечтал о том, как вернувшись, сделаю шашлык из свинины и наемся до отвала горячего сочного мяса. Я спустился к подножью и уже поднимался на крыльцо, когда последний луч солнца угас и сине-фиолетовый сумрак опустился на тихий лес.

На следующее утро Марк разбудил меня рано, тьма на улице только-только начинала сереть. Сделав зарядку и проведя пару схваток, мы с удовольствием поплавали в прохладной воде озера. Затем Марк предложил помедитировать и встретить солнце на вершине скалы. Забирались без страховки. Сегодня я поднимался гораздо быстрее, чем вчера, как будто это стало для меня обычным делом, легко карабкаться по каменной стене, словно большой паук. Наверху, сев в позу лотоса, погрузились в медитативное состояние. Когда край неба стал наливаться светом, словно там медленно включалась огромная лампа, Маркел встал и сделал мне знак, чтобы и я поднялся. Удивленный, я встал на ноги.

– Смотри на восход, поймай момент, когда появится первый солнечный луч, будь внимателен! – Протянув руку к волнистой линии сопок на горизонте, велел тренер.

Я сосредоточился, чтобы не пропустить это краткое мгновение. Яркий свет веером брызнул из-за сопок, на секунду ослепив. В этот момент я получил резкий и чувствительный удар по копчику. В тот же миг что-то взорвалось внизу позвоночника, и его пронзила молниеносная боль, пройдя по нему снизу вверх. Я оглох, а в голове вспыхнуло белое пламя, ослепив меня изнутри. Через несколько секунд зрение прояснилось, я обрел слух. Недоуменно обернулся к Маркелу, но спросить, почему он меня ударил, не успел.

– Посмотри вдаль! – Опередил он меня. У меня было такое ощущение, будто сквозь мой позвоночник протянули натянутую струну, которая слегка колебалась и дрожала, вызывая чувство щекотки. Мне жутко хотелось почесаться спиной о дерево, но деревья на скале не росли. Наконец, я перестал сосредотачиваться на своих внутренних ощущениях и посмотрел на восходящее солнце и на лес, расстилающийся до горизонта. Мир вокруг меня изменился. Я тряхнул головой:

– Что случилось с моим зрением! – Судорожно соображал я. Солнечный диск уже полностью показавшийся над горизонтом был непривычно темно-синим, точнее ярко-сизым. Лишь окантовка по его периметру сияла чистым белым светом. Я ясно видел вокруг него колеблющуюся призрачную корону, похожую на языки светящегося белого тумана. Небо, темно-синее в вышине, ближе к горизонту плавно менялось на светло-голубое с изумрудным оттенком. Зрение приобрело непривычную четкость и ясность, кажется, я мог рассмотреть все хвоинки на деревьях до самого горизонта. Но, главное мир стал потрясающе ярким, как будто до сих пор я смотрел на него сквозь туманную пелену, и вот теперь она исчезла. Все цвета многократно усилились, но их яркость не резала глаза, просто мир стал другим, словно я из сумрака вышел на освещенное солнцем место. В следующий момент я испытал еще одно потрясение: я видел по-другому! Луч моего зрения развернулся на все триста шестьдесят градусов, причем, как

в горизонтальной плоскости, так и в вертикальной. Я видел все пространство одновременно, будто у меня появились глаза не только на затылке, но и на макушке. Но с пространством и с перспективой было что-то не так, расстояние теперь не играло никакой роли. Мои глаза, моментально меняя фокусное расстояние, могли каким-то невыразимым образом, охватывая всю перспективу, одновременно рассматривать мельчайшие детали в окружении. Я стоял онемевший и потрясенный, не в силах осмыслить произошедшее изменение то ли с миром вокруг, то ли со мной.

– Это называется панорамным зрением! – Услышал я слова Марка, стоящего чуть позади меня, я о нем совсем забыл.

– Сейчас ты смотришь через свой «третий» глаз, его еще называют Глазом Шивы, – пояснил Марк, но мне понятнее не стало.

– Обычно ты видишь бинокулярным зрением, с помощью глаз, которые являются органами физического плана, но существует и другое зрение. Сейчас ты смотришь глазами своего тонкого тела, которое окутывает тебя невидимой оболочкой. Мы называем его Душой. Ты смотришь глазами Души, которая невидима, потому что существует в многомерном пространстве, в то время как ты функционируешь только в мире трех измерений, – продолжал просвещать меня Марк.

– Как видишь, мир меняется в зависимости от того с какой «точки» на него посмотреть. Сейчас ты смотришь на него из многомерного пространства.

Марк снова легонько ударил меня ребром ладони по копчику, и все вокруг приобрело знакомый вид: мир затуманился и потускнел, утреннее солнце освещало его своими бледно-желтыми лучами, а небо стало голубовато-белесым. Марк ткнул меня пальцем в середину лба:

– Переключатель зрением находится здесь, – ухмыльнувшись, сказал он, видимо вид у меня был ошарашенный, – научись им пользоваться!

У меня было к нему сто вопросов, но все они с такой скоростью метались в голове, что ни один из них я не мог ухватить за хвост. Поэтому я, как истукан, стоял и молчал. Надо было все это переварить, а потом уже задавать вопросы. Маркел похлопал меня по плечу:

– Потом поговорим, а сейчас пошли завтракать. Спустимся по откосу, так дольше, но сейчас ты не в том состоянии, чтобы заниматься скалолазанием. Он повернулся и побежал прочь от обрыва, пересек плоскую вершину и запрыгал точно горный баран вниз. Я последовал за ним. С той стороны откос, заваленный небольшими валунами, спускался полого, и главное было сохранять равновесие и не набирать большой скорости. Так, прыгая с валуна на валун, мы вскоре оказались у подножия и побежали, лавируя между кустами, к зданию базы. В животе урчало, и я сейчас был рад съесть даже рыбу, добавив к ней какое-нибудь замороженное блюдо, главное чтобы побольше. За завтраком, я молчал. Отец с Маркелом, не обращая на меня внимания, тихо о чем-то разговаривали, но я не слышал их, голова у меня была занята своими мыслями. Видимо они, понимая мое состояние, решили оставить на время в покое, чтобы я переварил новые впечатления.

День прошел, как обычно в тренировках, плавании и в стрельбе по мишеням. Раньше я в основном стрелял по неподвижным мишеням, а теперь отец заставлял стрелять по тарелкам и шарикам пинг-понга, которые он неумоимо швырял вверх и в стороны, до тех пор, пока винтовка не вываливалась у меня из рук. Вечером Марк с хитрой улыбкой подсунил мне детскую книжку большого формата с яркой обложкой.

– На вот, взгляни!

Я открыл книгу и уставился на страницу, ее заполняли желто-коричневые кляксы разных размеров, нанесенные без всякой системы. Я вопросительно посмотрел на Марка. Он с интересом наблюдал за мной.

– Ничего не видишь?

– Кляксы! Желтые, коричневые, светлые и темные – ответил я.

– Кляксы! – Фыркнул он.

– А ты лучше, лучше смотри! Здесь не кляксы, а рисунок, причем объемный.

Я снова впери́л взгляд в книгу, поворачивая ее под разными углами, то приближая к самому носу, то отдаляя.

– Это не поможет! – Наконец изрек Марк.

– Ты не книгу ворочай, а поменяй настройку своего зрения! Сделай усилие и переведи зрение в иную плоскость. И расслабься!

Я попытался, но кроме выпучивания глаз ничего не получалось. Я уже начал отчаиваться и вдруг, увидел! В какой-то момент скопище клякс выступило из плоскости страницы и превратилось в объемную картинку. На ней было изображено хлебное поле, девочка с венком из колосьев на переднем плане, а на заднем ветряная мельница.

– Вижу! – Только и сказал я в изумлении.

– Ну, что ж, тренируйся! Это похоже на открытие третьего глаза, хотя и не совсем то, точнее совсем не то. Но главное, ты должен уловить этот момент перехода зрения в другую плоскость. Это поможет тебе задействовать твой «переключатель» во лбу, – сказал Марк. Я быстро уловил суть, и уже через каких-нибудь десять минут свободно менял свое восприятие страниц с вида клякс на объемную картинку. Потом попробовал увидеть мир панорамным зрением, но ничего не получалось. Марк, сидя в кресле, читал книгу, изредка бросая на меня быстрые взгляды. Видя мои потуги, он сказал:

– Ударив по копчику, я поднял Кундалини по позвоночнику, изменив вибрации всего организма. Когда ты сам научишься ее поднимать, чтобы соединиться со своей высшей ипостасью, тогда ты сможешь смотреть на мир своим «многомерным» зрением. Ты быстро обучаешься, когда-нибудь это у тебя получится. Не унывай! – Улыбнулся он.

Марк еще два раза вводил меня в состояние измененного сознания, но потом сказал:

– Хватит! Дальше сам.

В ночь перед отъездом разразилась гроза. Утром лес был мокрым и чистым, солнце, отражаясь в каплях воды на траве, превращало их в сверкающие бриллианты. На этот раз переход до рыбацкой избушки показался мне гораздо короче и легче, сказала усиленная тренировка. Переночевав в избе, мы с последними звездами погрузились в отцовский Уазик и поехали домой. Я соскучился по матери и брату, и был рад снова их увидеть. Попарившись в бане и съев три порции свиных отбивных, я отправился на свой чердак, который показался мне слегка ужавшимся в размерах. Я прислонился к косяку и сделал зарубку над головой, измерив свой рост, определил, что за последние три месяца вырос на четыре сантиметра. Это меня обрадовало. Затем я вытер пыль, навел порядок на столе, немного посидел в интернете и, почувствовав, что глаза слипаются, лег спать, предвкушая, что завтра отосплюсь. Но не тут-то было. Отец разбудил меня в пять утра на утреннюю пробежку.

– Не давай себе никаких послаблений! – Сказал он.

На следующий день, в понедельник у матери начинался отпуск. Мы решили выехать в Аркаим в пятницу утром. До отъезда нужно было вплотную заняться огородом, в котором обнаглевшие сорняки чувствовали себя слишком вольготно. А по вечерам я ходил в спортзал ДК, где Марк продолжил мое обучение.

2.4. Свисающий с небес

Теперь Марк решил научить меня как следует владеть палкой, поэтому я стал слегка смахивать на экзотического леопарда: пятна на моей «шкуре» были всех оттенков синего и фиолетового. Кроме того, после активной части тренировки, Марк минут тридцать подковывал меня теоретически. Вот и сегодня, приняв душ, мы сели пить чай в крохотной комнатке, которая громко называлась Кабинетом тренера. Выпив два стакана чая, Марк задал неожиданный вопрос:

– Глеб, ты знаешь, где находится душа?

Перебрав все возможные варианты от пяток до печенки, я решил остановиться на сердце:

– Думаю, что в сердце. – Я вопросительно посмотрел на тренера. Он усмехнулся.

– Люди ассоциируют себя с телом, поэтому считают, что все, даже невидимая душа, может находиться только внутри него, как будто тело это что-то вроде сундука, куда все складывается. Но на самом деле все наоборот. Ты, конечно, ел сливы и абрикосы и знаешь, что внутри мякоти плода есть косточка. И что к дереву плоды крепятся на тонкой плодоножке. Так вот, человеческое тело это «косточка», сердцевина того, что мы называем человеком. Наше тело как бы вложено в многослойную невидимую сферу и подвешено к небесам на тонкой нити света.

– Как это подвешено к небесам? Ведь вокруг нас ничего нет! И куда крепится нить света своим вторым концом? – Я представил, как толпа людей парит в небе подвешенная на веревочках вроде живых кукол и мне стало смешно.

– Слышал ли ты о викинггах, об их воинственном боге Одине и о рунах? – Спросил Маркел. Я задумался. О викинггах я знал мало, об их боге и того меньше, а о рунах только слышал, о чем я и сообщил Марку.

– Я затронул эту тему, потому что образ Одина и обретение им рун наиболее точно характеризует сущность человека, но выражено это иносказательно, в виде мифа. Вот смотри, это руны! – Марк открыл ящик стола, достал оттуда колоду, похожую на колоду карт и протянул мне. Я высыпал карты на стол и стал рассматривать странные картинки, нарисованные на них. А Марк продолжал:

Собственно нас интересуют не сами руны, а то как Один их обрел. Но раз ты о них ничего не знаешь, то я немного расскажу.

– Какая существует связь между рунами и человеком, подвешенным к небесам на луче света? – Мне стало интересно.

– Слово «руна» в переводе со старого норвежского языка означает «шепот бога» или «поведанный секрет», – начал рассказывать Марк.

– Руны это древнейшие знаки письма вроде современного алфавита. С их помощью можно было не только писать, но и разговаривать с Богами, так как руны были не просто «буквы», но и символы различных энергий, действующих в мире. Как египетские иероглифы и буквы еврейского алфавита руны имеют несколько значений, несколько информативных уровней понимания. Простые люди использовали их как буквы алфавита для записи, а шаманы как символы – для общения с высшими силами мироздания. Знание рун и их сочетаний открывало им доступ к иным уровням бытия и давало возможность узнавать о будущих событиях.

– В давние времена, когда у людей еще не было письменности, странствующий скандинавский шаман по имени Один решил обратиться к богам с просьбой дать людям средство для общения, как между собой, так и с богами. Для этого он принес себя в жертву: пригвожденный копьем, Один провисел на дереве девять дней, потеряв при этом один глаз. В результате испытанных страданий, он вошел, как сейчас говорят, в измененное состояние сознания. В результате озарения он «увидел» руны, то есть получил информацию от Божественного Источника,

наподобие того, как Моисей получил десять заповедей на горе Синай, а Мухаммед свою «Книгу пророка». То, что выходит за границы интеллекта, может быть получено только в результате личного опыта в мгновение озарения. Когда человеческое сознание достигает состояния божественного, тогда оно способно воспринять и понять новую информацию высшего порядка.

– Это трактовка мифа на примитивном земном уровне, – продолжил рассказывать Маркел, – но каждый миф имеет несколько информационных слоев. Человек считывает тот по глубине слой, до которого он «созрел», который может понять и вместить в себя его сознание. Кстати, у мифического шамана был вполне земной прототип. Титул «Один» в первом веке от Рождества Христова носил вождь племени по имени Сиг, обитавшем в районе современного города Азова на Каспийском море. То есть он был не только вождем племени, но и исполнял в нем обязанности шамана. Кстати, «Один» переводится со скандинавского как «Движение всепроникающего Духа». В результате каких-то катаклизмов Один увел свое племя на юг Швеции, пройдя через всю Северную Европу, через территории, на которых сейчас расположены Россия, Польша, Германия, Дания. После смерти Один-Сиг был обожествлен под своим сакральным шаманским именем – Один. Если тебя заинтересовал данный факт, то обратись к изысканиям Тура Хейердала. Поездка на Азов и проведенные там археологические раскопки, это его последнее путешествие перед смертью. Ну что, не устал еще меня слушать? – Спросил Маркел.

– Нет, продолжай! – Мне хотелось скорее узнать, почему человек свисает с небес.

– Хорошо! Выпью только стакан чая, а то в горле пересохло.

Пока Маркел пил чай, я размышлял:

– Как-то незаметно Марк стал моим персональным учителем! Учит приемам борьбы, владению оружием, занимался со мной скалолазанием, а теперь еще и рассказывает о том, о чем я и представления не имел. Странно все это. Почему именно я? У нас в секции столько ребят занимается, а он выбрал меня. Может быть потому, что он знаком с моим отцом, к тому же они оба военные?

– Прямо совсем как Гуру и Ученик.

На гуру мой тренер не тянул.

– Молодой слишком, – подумал я, критически оглядывая Маркела. Высокий и худощавый, как мой отец, с прозрачно-серыми глазами, контрастно выделяющимися на загорелом до черноты лице, с волосами цвета выбеленного льна, всегда доброжелательный и улыбчивый, Маркел не походил на супермена. Но это только на первый взгляд, у того, кто сошелся бы с ним в поединке, ни одного шанса победить его не было.

– Ну, что ж, продолжим наш разговор! – Сказал Марк, отодвигая в сторону пустой стакан. Я приготовился слушать.

– Рассмотрим теперь другой, более глубинный слой мифа, несущий эзотерическую, то есть, скрытую, информацию о данном событии в контексте его космогонического значения. Что символизируют отдельные аспекты этого мифа? Один воспринимался древними скандинавами божеством, проходящим вместе с человеком земной путь и получающим вместе с ним опыт существования в материальном мире. Но где то пространство, в котором движется непосредственно сам Дух? Я уже говорил, что Один переводится, как движение всепроникающего Духа. При создании Вселенной она была разделена на две части: область Космического Огня – невидимый тонкий мир, и область Космического Льда – материальные миры. Дерево Иггдрасиль существует в обоих мирах, соединяя их между собой. Это и есть то пространство, в котором действует Дух. В мифе это обычное дерево, на котором висел шаман. Мировое дерево: Ясень или Иггдрасиль в северной мифологии называют «Древом Жизни». В переводе со старого норвежского языка Иггдрасиль означает «Скакун, переносчик, моего Я», где «Я» синоним «Супер Эго», ведущего человека вместе с Духом по цепи перерождений сквозь время и пространство. Дерево Жизни есть средство переноса Духа между миром Духа и миром Материи,

одновременно оно является и Древом Бытия Духа, проявляющегося как вовне, так и внутри Времени. Тебе понятно? – Спросил Марк. Я почесал затылок:

– Понятно, только нужно время, чтобы все эти сведения упорядочились у меня в голове. Марк засмеялся.

– Ну, поехали дальше. Еще немного о Дереве Жизни. Ты знаешь, что такое фрактал? – Спросил Маркел.

– Да, это усложнение структуры, генерирование ей бесконечного числа своих подобий, – ответил я.

– Фрактальность – одна из важных особенностей мира, обуславливающая возможность существования параллельных миров, – продолжил Марк.

– Одним из примеров фрактальности является крона дерева. Строение Космоса тоже похоже на ветвящееся дерево, простирающее свои побеги в разные измерения и планы. Игдрасиль является образом Космического Дерева Жизни, невидимой энергетической матрицей, символизирующей структуру Космоса. Корни дерева погружены в Хаос, а крона извлекает энергию из вечного царства Духа. Его ветки – это параллельные вселенные, листья – миры, которые рождаются, зреют и умирают.

– Наше «Высшее Я» существует одновременно на разных уровнях мироздания – проявляясь от мира физического до мира огненного – мира бесплотных идей. Воплощаясь во множестве сущностей, находящихся на разных временных отрезках с точки зрения человека, для Сверх-Эго все они существуют одновременно, так как прошлое, настоящее и будущее существует только в опыте человека. А Эго находится вне времени. Иногда во сне, посещая в духе иные миры, мы встречаемся с этими сущностями и, соединяясь с ними, смотрим их глазами. Являясь фрагментами одного «Высшего Я», как разные грани одного «кристалла», наши родственные энергии притягиваются друг к другу, как бы далеко они не находились. Чувствуя свою раздробленность, они стремятся слиться в одно целое существо. Так отдельные капли воды всегда стремятся слиться вместе. Наше настоящее есть суммарный результат прошлых жизней. Словно пчела, собирающая мед, человек собирает информацию о разных мирах и опытах своего существования в них. Информация – единственная ценность в мире. Намерение, воля и желание расширить сферу знания устремляют человечество вверх по спирали эволюции. Человек, наделенный свободой воли, принимая решения и действуя в соответствии с ними, создает узловые точки бифуркации и рисует свой лабиринт жизни в пространстве и времени. С помощью Намерения мы связываемся с Центром Силы, способным «зарядить» личность своей энергией, наделить ее определенными качествами для достижения цели.

– Мы обычно считаем, что наше внутреннее Эго, наш разум находятся где-то внутри нас. Но на самом деле это наше физическое тело является сердцевинкой, которую окружают все более утончающиеся оболочки энергии. Наше внутреннее «Я» находится во внешнем слое энергетической оболочки, поэтому по отношению к физическому телу мы являемся «вывернутыми наизнанку»! В физическом мире развитие направлено изнутри наружу, в то время как на тонком плане развитие направлено внутрь, к плотному миру, к человеку. Дух проникает в материю, а материя стремится утончиться, одухотвориться.

– Наше сознание способно расширять границы своего восприятия, включая в них духовные области и вступая с ними в контакт. Шаманы считали, что именно применение рун позволяет расширить эти границы. Руны – универсальный язык, с помощью которого можно общаться на различных уровнях мироздания. В них заложен потенциал развертывания трансцендентальности нашим сознанием, то есть включение в область познаваемого того, что ранее было скрыто. С помощью рун мы можем воспринимать «скрытое» от наших физических глаз на различных планах бытия. Рунные энергии на подсознательном и сознательном уровнях помогают нам лучше понять окружающий мир, и поэтому способствуют нашему индивидуальному развитию. Когда в человеческом мире появились руны, шаманы воспринимали их только

как символы, с помощью которых можно познавать Неведомое. Но по мере развития общества, руны стали использоваться в качестве букв алфавита, они стали применяться для рунической письменности. Произошло слияние символов с алфавитом.

– Есть еще одно понятие, о котором я хочу рассказать – сказал Марк. Потерпи немного, я уже заканчиваю.

– Это – Монада. Монада – неделимая, неуничтожаемая, нематериальная, саморазвивающаяся, но бессознательная субстанция. Монада – бессмертный огонь, дарованный нам богом. Он освещает наше сознание, дает возможность индивидуализироваться. Монада – искра божественного пламени становится индивидуальностью, развиваясь в человеческом теле. Елена Рерих так охарактеризовала это понятие: «Монада или джива, даже не может быть названа духом, ибо она есть луч, сама Абсолютность. Монада становится личным Эго, когда она воплощается. Монада не принадлежит этому миру или плану и может быть сравнима лишь с нерушимой звездой божественного Света и огня, низвергнутой на Землю». Монада как раз и есть та огненная нить, на которой человек «подвешен к небесам».

– Ну что ж, на этом и закончим – сказал Маркел, – пора по домам.

Я возвращался домой затемно, было тихо, пахло ночными фиалками и мятой, мягкий свет фонарей, просачивающийся сквозь кроны деревьев, делал тротуар похожим на диковинную пятнистую змею, вытянувшуюся вдоль дороги. На главной улице поселка былолюдно: прогуливалась молодежь и семейные пары с детскими колясками, пожилые тоже вышли подышать свежим воздухом. Я свернул в темный переулок, мне не хотелось встретить кого-нибудь из знакомых. Я шел и размышлял над информацией, полученной сегодня от Маркела. Всматриваясь в звездное безлунное небо, я пытался рассмотреть в нем ту огненную нить, соединяющую меня со своей Высшей ипостасью и с тем Неведомым, которое мы называем Богом.

«Ледяная» спиралька на руке меня пока не беспокоила. А вот энергия Кундалини во время медитации и иногда перед засыпанием, вибрируя, пробивала позвоночник, взрываясь в голове вспышками белого пламени. Я чувствовал, что подняться выше по огненной нити, она не могла. У нее пока не хватало сил прожечь ту невидимую «крышу», которая преграждала ей путь к моему «Высшему Я». Невидимая преграда, стоящая на пути энергии Кундалини, была фильтром, пропускающим через мое тело только те энергии, которые были для него безопасны. Благодаря рассказам Марка, я уже немного разбирался в чакрах, строении космоса и своей «многослойности». Я задумывался о том, что произойдет со мной, когда это случится. Изменюсь ли я внешне или внутренне, появятся ли у меня новые способности? Я жаждал, чтобы «пробой» скорее произошел, но что я мог сделать, чтобы ускорить его? Только тренироваться, медитировать и ждать.

– Пора собирать рюкзак! – Подумал я, ложась спать. Послезавтра утром мы выезжаем в Аркаим.

Я проснулся. В комнате было темно. Обычно ее освещал лунный свет, но сегодня его не было, то ли тучи скрывали Луну, то ли новая Луна только еще нарождалась. Я сел и потянулся к будильнику, чтобы посмотреть время. Моя рука прошла сквозь него, словно будильник был всего лишь голографическим изображением. Я удивленно посмотрел на руки, и тут увидел бледно голубой луч света, выходящий из груди. Я удивился и встал, чтобы лучше рассмотреть его. Несмотря на темноту, я видел все отчетливо, будто днем, потому что воздух был заполнен мерцающими, на грани восприятия, белыми искрами. Мой взгляд упал на тахту. На тахте лежал я! Я лежал на спине, закинув одну руку за голову, и сладко посапывал. В полном потрясении я рассматривал свое тело. Наконец до меня дошло, что я вышел из него, как из футляра, и теперь мой нематериальный фантом парит, связанный с телом все той же серебристо-голубой «нитью», которая проходит сквозь меня нематериального и исчезает в потолке.

– Ну, дела! Куда же ведет нить? – Подумал я. И словно в ответ на мои мысли, «нить» вспыхнула и ярко засветилась. В тот же момент я почувствовал рывок и, пронизав крышу дома,

оказался под звездным небом. Крыша и кроны деревьев стремительно удалялись. Земля превратилась в голубой шарик и исчезла, звезды тоже. Я неподвижно висел в темно-золотистой дымке и одновременно куда-то мчался с огромной скоростью. Вдалеке появился свет, который приблизившись, превратился в тонкую серебристую паутинку, мерцающую перед моим лицом. Через мгновение я понял, что это не паутинка, а зеркало, хотя зеркалом в прямом смысле его нельзя было назвать, скорее уж это было окно в иное измерение. За ним угадывалось огромное пространство, черное и бездонное. В «окне», отделенный от меня лишь невесомой мерцающей завесой, парил в позе Будды Ангел. Его тело, крылья, топорщащиеся за спиной, и что-то вроде хламиды, складками свисающей с колен, состояло из золотистой субстанции, которая словно расплавленное темное золото текла, переливалась и мерцала, сохраняя форму. Ангел поднял золотые веки и взглянул на меня бледными сапфирами глаз. В тот же момент я понял, что смотрю на свое отражение, но в этом странном зеркале я видел свою высшую ипостась, свое Сверх-Я. Наши сознания слились. Нестерпимо яркий свет окутал меня белым пламенем. Я был уже не я, а что-то большее и могучее. На мгновение я вспомнил все свои прошлые воплощения, не только на Земле, но и на другой планете. Там не было ночи, а лишь один бесконечный день, в котором два Солнца сменяли по очереди друг друга на жемчужном небосводе, одно холодно-голубое, другое теплое светло-золотистое. Я был древним воином и пилотом истребителя, матросом на паруснике и гонщиком на странном автомобиле, поэтом и музыкантом, путешественником, писателем, изобретателем и многими другими. И вся это был я. Ангел закрыл глаза. Я снова очутился во тьме космоса и увидел, как Ангел стремительно уменьшается в размерах, превращаясь в золотистую точку. Раскинув крестом руки, я неподвижно парил в золотисто-коричневой мгле, словно пчела, утонувшая в меде. И в то же время стремительно падал спиной вперед в бездну без дна.

Я лежал на спине, раскинув крестом руки. Подушка и покрывало валялись на полу. Сердце бешено колотилось в ребра, будто я без передышки только что поднялся на вершину Эвереста. В открытое окно сочилась предрассветная синева, превращая комнату в огромный призрачный аквариум. На грани сна и яви, во вспышке озарения я понял, что мой дракон Кундалини пробил, наконец, брешь в невидимой мембране между «этажами» мироздания. Импульс энергии поднявшись по позвоночнику и дальше, по огненной нити, соединяющей меня с Золотым Ангелом, побеспокоил его. Он, потянув за «шнур», выдернул меня из привычного трехмерного мирка на свой уровень, чтобы взглянуть, что там за букашка помешала ему медитировать. В комнате посветлело, синева растворялась в пепельном сумраке рассвета. Я встал, подобрал подушку с покрывалом, натянул джинсы и выглянул в окно. Небо было обложено тучами, намечался дождь.

– Значит, придется весь день сидеть дома! – Заключил я.

– Ну, ничего, зато смогу спокойно поискать в Интернете информацию об Аркаиме. Вдруг выжу что-нибудь новенькое.

Хлопнула дверь на втором этаже. Вскоре на кухне раздались приглушенные голоса Ярослава и матери. Мне захотелось горячего сладкого кофе с бутербродом. В животе заурчало.

– Пора и мне наведаться на кухню – решил я. Спускаясь по деревянной лестнице, я гадал:

– Теперь, когда связь с моим «Высшим Я», установилась, буду ли я видеть своим «третьим глазом»? Смогу ли иногда заглядывать во сны Золотого Ангела?

3. Поездка в Аркаим

3.1. Город под крышей

Собрав весь материал об Аркаиме в один файл, я тщательно его отредактировал, выбросив повторения и рекламу турагенств. Оставшийся текст распечатал на принтере. Информации оказалось не так уж и много. Взяв листки, я устроился в кресле, чтобы прочесть упорядоченные данные:

– Если уж собрался на экскурсию в древнее городище, нужно быть подкованным! – Решил я. Меня не прельщало ходить с толпой туристов за экскурсоводом и слушать его разглагольствования. Хотелось одному побродить по необычному музею под открытым небом, осматривая достопримечательности и проникаясь его древностью. Место считалось у знающих людей сакральным, и я надеялся, что его энергетика поможет мне в раскрытии способностей. «Может там, наконец, откроется мой «третий глаз?» – С надеждой думал я. «Глаз» мой открываться никак не хотел, а Марк только посмеивался, но помогать мне больше в его раскрытии не желал.

– Ты сам! – Говорил он.

– Итак, что мы имеем?

«В Челябинской области открыта „Страна городов“ – остаток одной из древнейших цивилизаций человечества: оригинальное, ни на что не похожее сооружение, не имеющие аналогов в мире. Оно имело высокие мощные стены, сложные оборонительные фортификации, плавильные печи, ремесленные мастерские, четкую систему коммуникаций... Теперь уже признано: здесь находится прародина древних Ариев, прародина, которую ученые так долго искали на обширной территории от придунайских степей до Прииртышья», – прочитал я.

«Южно-уральская находка археологов граничит с чудом. Это одно из тех открытий, которые заставляют ученых заново пересматривать историю. Явление Аркаима из прошлого подвигло историков изменить представления о бронзовом веке на территории Урало-Казахстанских степей. Оказалось, что она не была задворками мира, вступавшего в эпоху цивилизации: высокий уровень развития металлургии обеспечивал региону заметное место в культурном пространстве, протянувшемся от Средиземноморья до нынешнего Казахстана и Средней Азии. Металлические изделия высочайшего уровня изготовления, найденные на побережье Эгейского моря и на Южном Урале, оказывается, были сделаны в Аркаиме», – читал я восторженные высказывания корреспондента.

Наконец, я дошел до описания непосредственно Аркаима: «Поселение в плане представляет собой два кольца мощных оборонительных стен, вписанных одно в другое, причем внешняя стена обведена рвом около трех метров шириной. Его общая площадь составляет около двадцати тысяч квадратных метров.

Кольцевые улицы, примыкают изнутри к стенам, а в его геометрическом центре располагается открытая площадка. Она тщательно выровнена, утрамбована и укреплена каким-то цементирующим раствором. Диаметр внешней стены около ста пятидесяти метров при толщине в основании пять метров. Она была возведена из бревенчатых клетей, забитых грунтом с добавлением извести, а снаружи облицована на всю шестиметровую высоту сырцовыми блоками, начиная со дна рва. Внутренняя стена цитадели диаметром около восьмидесяти пяти метров при меньшей толщине – четыре метра в основании, была выше наружной. Снаружи имела бревенчатую облицовку обмазанную глиной. Кольца жилищ разделены на сектора радиальными стенами, которые в плане смотрятся как спицы гигантского колеса».

Я быстро вычислил в уме длину наружной стены. Она оказалась около 470 м. Стена – почти полукилометровой длины, высотой шесть метров и пять метров в основании! Чем

не «китайская» стена! – поразился я. Интересно, от кого понадобилась такая защита? Уж явно не от людей, но не от теранозавров же? Или от мамонтов? Но зрелище мохнатых мамонтов штурмующих стены цитадели выглядело смешно и анекдотично. От йети – этих неуловимых снежных людей? Что им нужно было в городе, да и в степи йети не обитают, леса и горы их ареал, там они могли укрыться. И, видать, они мастера маскировки, если до сих пор не одного из них не удалось обнаружить. Спецназовцам не помешало бы у них поучиться.

Я вздохнул и взял со стола фотографию, где был изображен реконструированный Аркаим. Выглядел он необычно и внушительно. Целый город диаметром сто пятьдесят метров под единой крышей, кроме центральной площади, где жрецы, видимо, проводили обряды под открытым небом. И построен пять тысяч лет тому назад! В научном мире принято считать, что в те далекие времена на территории современной России жили исключительно дикие и примитивные племена варваров.

– Не такие уж они были и примитивные! – Подумал я и продолжил чтение.

«К внешней стене примыкало тридцать пять жилых помещений, к внутренней стене – двадцать пять. Жилища цитадели обращены выходами к центральной площади. Площадь имела прямоугольную форму размером 25х27 м и предназначалась, очевидно, для ритуальных действий. „Квартиры“ огромные, имеют до десятка спален-комнат. Общая площадь каждой „квартиры“ от 100 до 180 кв. м. Судя по всему, количество спален было по числу семей одного рода, и рассчитывались на 60—70 родичей. Выходы жилищ внешнего кольца обращены на круговую улицу, из которой единственный проход вел на следующую – внутреннюю улицу, чтобы попасть туда, нужно было пройти все кольцо. Для уничтожения непрошенных гостей на внешней стене имелась хитроумная ловушка. Под бревенчатым настилом круговых улиц обнаружены рвы ливневой канализации со сточными колодцами. При каждой „квартире“ имелся хозяйственный двор и мастерская. В мастерских ремесленники делали керамическую посуду, ткали, шили одежду, столярничали и собирали древнейшие в мире боевые колесницы. Здесь же выплавляли медь, бронзу, ковали, делали металлические украшения, оружие и предметы быта. Город был центром сельской округи на несколько деревень, в которых разводили скотину и сеяли злаки, а в самом городе скот не держали, в нем жили только ремесленники. На полях найдены даже следы орошения».

– Из древней истории известно о том, какие цивилизованные были римляне со своими банями, теплыми полами, канализацией и акведуками! – Подумалось мне.

– А племена, населяющие нашу территорию, считались дикарями. Впрочем, и сейчас запад предпочитает видеть в нас варваров, несмотря на все достижения русских в науке и искусстве. И тут такой облом: найдено сооружение, являющееся чудом инженерно-строительного искусства, которое было одновременно обсерваторией, крепостью, храмом, ремесленным центром и поселением. По мнению специалистов, обсерватория Аркаима имеет самую сложную конструкцию из всех известных человечеству древних обсерваторий, что позволяло выполнять в ней астрономические измерения с высокой точностью.

Меня удивило совпадение параметров Аркаима и Стоунхенджа. Дотошные исследователи обнаружили, что Аркаим сопоставим со Стоунхенджем – знаменитым мегалитическим сооружением в южной Англии, который был древнейшей обсерваторией, но Аркаим оказался сложнее Стоунхенджа. Археологи оценивают возраст Аркаима приблизительно в пять тысяч лет. Построенная в столь отдаленные времена, цитадель имеет оригинальную сложную планировку, четкую геометрию и грамотные инженерные решения стыковочных узлов и конструкций.

Я продолжил чтение: «Расстояние между центрами кругов составляет 5,25 „аркаимской“ меры длины, которая составляет восемьдесят сантиметров, что близко к значению угла наклона лунной орбиты: пять градусов и десять минут. Средний радиус внутреннего круга – около 24 мер, что в эклиптической системе координат отображает траекторию полюса мира, описыва-

ему им вокруг полюса эклиптики за период в 25, 92 тысячи лет. Выявлено совпадение некоторых важных геометрических характеристик Аркаима с соответствующими параметрами Стоунхенджа. Диаметр внутренней кольцевой стены цитадели Аркаима – 85 метров, но если его измерить с точностью, необходимой для астрономических наблюдений, то получается эллипс с радиусами осей равными 40 и 43,2 метра. Радиус кольца „лунок Обри“ в Стоунхендже тоже составляет 43,2 метра. К тому же оба сооружения расположены почти на одной географической широте, оба находятся в центре чашеобразной долины. Чем детальнее сравниваются Аркаим и Стоунхендж, отстоящих друг от друга на четыре тысячи километров, тем больше обнаруживается в них совпадающих деталей».

– Возможно, их создавали одни и те же строители, – подумал я.

«Археологи обратили внимание на то, что план Аркаима похож на рисунок Мандалы. Мандала, один из сакральных символов буддийской философии, с санскрита переводится как круг, диск, колесо, кольцо, пространство, и интерпретируется как символическое изображение модели Вселенной. Схема цитадели и в самом деле имеет вид Мандалы, это квадрат площади, вписанный в круги стен. В древних космогонических текстах утверждается, что круг символизирует Вселенную, а квадрат – Землю. Получается, что древние архитекторы создали на земле подобие Вселенной в миниатюре. Четыре входа в Аркаим строго сориентированы по сторонам света, а окружности имеют общий центр, куда сходятся радиальные линии. По точности ориентирования на четыре стороны света конкуренцию Аркаиму из всех древних сооружений могут составить только некоторые пирамиды Египта, но они моложе лет на двести».

В статье было упомянуто, что кольцевая структура Аркаима сориентирована по звездам, но не уточнено по каким.

Я сходил на кухню, чтобы сварить себе кофе и сделать пару бутербродов. Закусив, продолжил изучение материала.

«Около пяти тысяч лет назад в Аркаиме произошел пожар, и он сгорел, поэтому остались лишь незначительные деревянные элементы конструкции» – сообщалось в статье.

– Стоунхендж хорошо сохранился, потому что сделан из камня, а конструкции Аркаима были деревянными. Выходит, просуществовал он недолго.

– Что же там смотреть, если все сгорело? – Разочарованно подумал я.

Пожар задал археологам загадку. Дело в том, что при раскопках в древнем пепелище, за небольшим исключением, не было обнаружено ни предметов быта, ни каких-либо обломков или черепков посуды, ни человеческих останков. Выходило, что жители заблаговременно ушли и все вещи унесли с собой. Если пожар не был неожиданностью для жителей, то значит, они сами сожгли свое поселение? Почему?

– Это очень интересно! – Подумал я, – что же заставило жителей стремительно покинуть город, да еще и сжечь его? Чтобы оно не досталось кому-то? Но кому?

Есть и еще одна загадка, связанная с цитаделью. Ученые и археологи, изучая остатки сооружения, пришли к выводу, что это предельно сложный для строительства и, с инженерной точки зрения, грамотно спланированный – объект. Загадка состоит в том, что он «встает перед нами из глубины веков сразу во всем своем великолепии и за ним не просматриваются памятники более простые, как бы подводящие к нему по лестнице эволюции». То есть до него на данной территории не было возведено других крупных объектов, или, хотя бы подобных ему. Он появляется неожиданно во времени и пространстве, как чудо инженерной и строительной мысли, существует какое-то время, совсем небольшое по временной шкале. Затем жители его покидают, да еще и сжигают!

– Да, тут есть о чем задуматься! – Почесал я затылок.

«Истинное назначение Аркаима остается для нас тайной. Среди ясновидцев, посещающих его, бытует мнение, что он, как и Стоунхендж, был вратами в параллельные миры, в другие измерения. И его форма в виде кольца не случайна.

Портал Аркаима открывался во время коллективного пения жрецами специальной Мантры, которая служила звуковым кодом для его активации. Но открытие портала могло происходить только в строго выверенные временные моменты, которые и определялись в его обсерватории по Солнцу, Луне и звездам. Через портал жрецы могли перемещаться в пространстве-времени. Строили Аркаим, видимо, при помощи сонники, когда пение определенных Мантр лишает веса тяжелые предметы, обнуляя гравитацию и заставляя их левитировать».

– Совсем как друиды Стоунхенджа во главе с Мерлиным! – Я вспомнил, что когда-то почти слово в слово читал подобное о Стоунхендже, который построил маг из Атлантиды по имени Мерлин. Он вместе со жрецами с помощью песнопений перемещал в пространстве огромные каменные блоки, словно пушинки.

– Выходит в те далекие времена люди были умнее нас? Им не нужны были подъемные краны для строительства. Впрочем, мы сейчас со всеми своими машинами едва ли сможем соорудить что-либо подобное Стоунхенджу или пирамиде Хеопса из Гизы! – подумалось мне.

Я закончил читать статью и задумался:

– А что означает слово Аркаим?

В первую очередь корень «АРК» вызвал у меня ассоциации с Арктикой, где когда-то располагалась древняя родина руссов – Гиперборея.

– Может быть, строители Аркаима являются выходцами оттуда, из нашей северной прародины?

Порывшись в интернете, я нашел, что в тюркском языке есть похожий корень. Слово «арка» с тюркского переводится как «хребет», «спина», «основа», «пространство».

– Но горных хребтов в районе Аркаима нет, он располагается в долине. «Спина» тоже не подходит, – рассуждал я, – может быть «основа»? Но основа или основание – чего? Тоже не понятно. В русском языке есть слово «арка», но оно имеет другой смысл. Арка означает «дуга», «проход», «проем». Тоже не совсем то. Хотя... «проход» можно интерпретировать и как «портал»! Это уже ближе к теме. В любом случае корень «арк» имеет древнее происхождение, и значение его со временем было утеряно. Надо будет спросить Маркела, он все знает! – решил я, – а сейчас пора спать.

3.2. Ночная экскурсия

Рано утром, загрузив вещи в отцовский Уазик, мы тронулись в путь. С нами поехала и подруга Ярослава – Вика. Мать с вечера напекла пирожков, по дороге мы собирались пару раз останавливаться, чтобы перекусить, ехать предстояло целый день. Я был рад посмотреть новые места, так как выезжали в отпуск мы редко. Три года назад мы всей семьей ездили отдыхать в Крым. Море произвело на меня неизгладимое впечатление, но усеянный отдыхающими пляж и толкотня на улицах Феодосии не понравились. Я привык к одиноким прогулкам в лесу, и толпы людей на городских улицах вызывали у меня чувство острого дискомфорта. Когда мы вернулись домой, я вздохнул с облегчением. Отец, по-моему, тоже. Вернувшись с моря, мы с ним на целую неделю ушли в лес, жили в рыбацкой избушке, ловили рыбу в озере и были счастливы.

До туристического лагеря добрались к шести часам вечера. Солнце уже клонилось к закату. В степи стояла удивительная тишина, и пряно пахло травами. До Аркаима отсюда было около трех километров. Мы решили отправиться туда утром, а вечером пообщаться с обитателями лагеря. С наступлением сумерек около палаток запылали костры. Я бродил от костра к костру, слушая тихий смех, песни, под гитару, обрывки разговоров... Здесь не было суеты, громких голосов, шума, сюда приезжают особые люди: мистики, ясновидящие, экстрасенсы, чтобы прикоснуться к древней энергии этого сакрального места.

– Интересно, почувствую я что-нибудь в Аркаиме или нет? Завтра узнаю, – думал я, допивая чай с последними пирожками. Костры один за другим погасли, на мир опустилась ночная тишина. Сегодня было полнолуние, и призрачный свет Луны накинуд на степь свою волшебную вуаль. Ярослав с Викой пошли гулять вокруг лагеря. Мне не спалось. Отец с матерью уже спали в своей палатке, а я все сидел у потухшего костра. Наконец, поняв, что мне не уснуть, я решил прогуляться в сторону Аркаима.

– Найду ли я его в темноте? Ведь от него мало что осталось после пожара.

С собой я взял налобный фонарик для альпинистов, хотя было так светло, что едва ли он мне мог понадобиться. Сориентировавшись по звездам, чтобы не заблудиться, я отправился к бывшей цитадели. В степи небо совсем не такое как в городе или поселке. Здесь оно нависает над тобой во всей своей ошеломляющей красоте. Млечный путь делил небо на две части, унося свои звездные воды в глубины мироздания. Наша солнечная система находится на задворках Галактики, поэтому мы можем наблюдать ее диск со стороны, в виде сияющей небесной реки. Мириады звезд по ее берегам сверкали и искрились на черном бархате небосвода. Степь в лунном свете казалась волшебной и нереальной. Я был очарован красотой ночной степи. Время в дороге пролетело незаметно, вроде бы я уже должен быть рядом с Аркаимом. Я остановился и огляделся. Чуть левее, метрах в двухстах в небо с земли шел голубой луч.

– Наверное, кто-то светит фонариком, – подумал я и пошел в ту сторону. По мере приближения, луч бледнел и скоро исчез совсем. Я остановился около вала земли, тянувшегося далеко в степь. Взобравшись на него и приглядевшись, я понял, что на месте. От крепости мало что осталось, но валы, на которых когда-то возвышались стены, хорошо просматривались. Два кольца стен и внутренние радиальные перегородки между жилищами делали город-крепость похожим на огромный лабиринт.

– От кого жители защищались, сделав во внутреннем круге всего один проход, а в наружном хитроумные ловушки? Сейчас об этом можно только гадать – подумал я, начиная свой путь вдоль вала. Я решил дойти до первого прохода в наружном круге, затем пройти по обоим кольцевым «улицам» и выйти на площадь. Вот и проход внутрь, я вступил в лабиринт. Земляные валы отбрасывали резкие тени, такие черные, что они казались глубокими провалами в земле. Трава под ногами сверкала, словно филигрань, сделанная из серебра. Уши почему-то

заложило, и удары своего сердца – глухие и ритмичные, я слышал словно сквозь вату. Я шел по кругу в каком-то оцепенении и уже не понимал, явь это или нет. Такое состояние бывает во сне, когда ты вязнешь в сновидении, будто муха в желатине, осознавая происходящие в нем события, участником которых являешься, но не в силах что-либо изменить. Я закончил круг и вошел во второй – внутренний. Стало темнее, налетели порывы ветра – горячие и обжигающие. Взглянув на небо, я увидел, что Луна еле просвечивает сквозь тучи, которые словно черный дым стремительно неслись по небу. Меня не удивила столь резкая перемена погоды, видимо, я потерял способность удивляться, а заодно и бояться. Страх не было, безразличное спокойствие обволакивало меня непробиваемым панцирем. Несмотря на то, что Луну уже совсем закрыли тучи, я видел руины Аркаима так ясно, как будто сверху их подсвечивали голубым прожектором. Казалось, это сам воздух мерцает и светится, до предела насыщенный электричеством. Мои отросшие волосы, наэлектризовавшись, встали дыбом и слегка потрескивали. Я шел, заканчивая второй круг, глядя под ноги, чтобы не споткнуться. И в то же время, внутренним зрением ясно видел Аркаим сверху, он был похож на огромную печать, оттиснутую на земле то ли великаном, то ли самим богом. Круг закончился. Я оказался около площади. Ее ровная поверхность мерцала как ледяная, освещенная бледно-голубым, слегка пульсирующим факелом свечения в самом ее центре. Раскат грома потряс воздух, и мгновение спустя на горизонте вспыхнул шнур молнии. Начиналась гроза. Я как сомнамбула шагнул на «ледяные» плиты и направился к свечению. Было трудно сосредоточиться. Мысли ползли в сознании со скоростью улитки. Казалось, время замедлилось. Привычная реальность растаяла, уступив место фантастическому сюрреалистическому миру.

Молнии стали сверкать чаще, а гром просто оглушал. Пространство тлело и искрилось. Свечение исходило из круга диаметром метра в два, очерченным по периметру белой флюоресцирующей линией, будто проведенной толстым фломастером. А в нем я увидел иероглиф, похожий на усложненную букву «Ж», набросанный белыми, светящимися в темноте штрихами. Помедлив, я шагнул в круг и встал на иероглиф. Ничего не произошло, только левую ладонь кольнуло, и тут же ледяная игла пронзила руку до самого плеча. Моя родинка-спираль среагировала на излучение, идущее то ли из круга, то ли от иероглифа.

Погода совсем взбесилась. Небеса раскалывались под ударами невидимого молота, а молнии вставали частоколом уже со всех сторон от руин Аркаима, заливая степь бело-голубым неоновым светом. Иероглиф наливался пламенем, в его ярком свечении я перестал видеть свои кроссовки, потом в нем растворились ноги до колен, и вот уже призрачное пламя поднялось до самого пояса. Ни жара, ни холода от него я не ощущал. Левая рука онемела, в солнечном сплетении что-то пульсировало, отдаваясь толчками в подреберья, а сквозь позвоночник словно протянули быстро вибрирующую нить, это вызывало во всем теле сильную щекотку, от которой я впадал в блаженный экстаз. Молнии били все ближе и ближе. В какой-то момент я поднял голову, посмотрел наверх и обомлел. Во время вспышек молний надо мной высвечивался высокий купол, будто сделанный из прозрачного голубоватого хрусталя. Он полностью накрывал след от Аркаима на земле. Наружную сторону купола покрывала сетка из пляшущих электрических разрядов. Но я уже видел этот купол во сне. Только тогда я был снаружи и не мог пройти сквозь него, а теперь я смотрю на купол изнутри. Выходит мне приснился именно Аркаим! Сон был провидческим. Я вспомнил, что в том сне видел не только энергетический купол, но и призрачный Аркаим – город-призрак. Бледно-голубое свечение поднялось еще выше, сердце набатом забухало в груди, а в верхней части головы стало ощущаться покалывание и щекотка, словно в мозгах ползало с десятков тараканов. Я попытался сконцентрироваться и посмотреть поверх свечения тем зрением, которому меня научил Марк, в надежде увидеть оттиск цитадели, запечатленный в пространстве. Я где-то читал, что вся информация об окружающем запечатлевается в аурах предметов, камней, деревьев и в водоемах, наслаиваясь друг на друга слой за слоем. А один умелец из Воронежа даже сконструировал камеру

со специальными линзами из горного хрусталя, она снимала эти оттиски прошлого на фотопластины. У меня ничего не получилось, я видел только земляные валы и площадь, сияющую как полированное серебро. Стало тяжело дышать, и я понял, что могу отключиться. Пора выходить из круга! Ноги налились тяжестью и с трудом слушались. Мне удалось отлепить их, и, сделав два шага, я оказался вне круга. Не останавливаясь, поплелся дальше, прочь с площадки. Шагнув в траву, упал на колени, сел и оглянулся. Свечение на газах бледнело и гасло. Иероглиф был виден какое-то время, но потом погас и он вместе с окаймляющей круг линией.

Я проснулся. Голова была тяжелая и гудела, словно медный котел, по которому ударили половником.

– Где я? – Приподнявшись, сел и в недоумении огляделся. Я сидел в траве около замощенной площади.

– Это Аркаим! – Я вспомнил, как шел сюда по степи в свете полной Луны.

– Но я же не собирался здесь спать! Что со мной произошло? Ничего не помню!

Небо начинало сереть, приближался рассвет. Я подумал, что родители будут беспокоиться, проснувшись и обнаружив мое отсутствие. Нужно срочно возвращать! Когда я вскочил, в глазах так потемнело, что пришлось снова сесть.

– Да, что это со мной? – С досадой произнес я и вдруг вспомнил:

– Гроза! Точно, как же я мог забыть раскаты грома и чудовищные разряды, которые хлестали по земле совсем рядом с Аркаимом.

Вокруг было сухо, значит, гроза сюда не дошла. И тут в памяти всплыл мой сон о том, как я стоял в центре круга на пульсирующем светом иероглифе! Впрочем, я был совсем не уверен, что это мне приснилось. Но и реальностью то, что произошло ночью, быть не могло!

Я, наконец, стряхнул с себя остатки сонного оцепенения, память прояснилась, и я вспомнил все подробно: как шел кругами, как на площади увидел круг со светящимся знаком.

– Нет, это не было сном, это все произошло в действительности! – испуганно подумал я.

– Зачем меня понесло в круг? Почему я встал на знак? – С недоумением соображал я. Сейчас в здравом уме я на такое бы не решился, а тогда был как в тумане.

– Наверное, во время грозы произошел выброс энергии, а я очутился в самом его эпицентре, ведь такие сооружения являются святилищами, и их строят в местах разломов земной коры, которые называются сакральными. Вот у меня и начались галлюцинации под воздействием этой энергии! – Успокаивал я сам себя. В глубине души я чувствовал, что дело здесь не только в грозе и выбросе энергии, но думать об этом не хотелось.

– А купол? Тоже галлюцинация, пришедшая из последнего сна? – Я потер виски, голове стало легче, гул в ушах затихал, но я посидел еще несколько минут, вспоминая тот сон о Аркаиме-призраке и сопоставляя его с событиями ночи.

– Но там было его продолжение внизу. Что оно означало: зеркальное отображение цитадели в параллельном мире или... подземелье! Возможно ли, что сгорела только его надземная часть, а подземелье осталось в целостности и сохранности. Но если оно существует, значит должен быть вход! – Эта мысль меня взволновала. Я теперь был почти уверен, что существует и подземный Аркаим, не зря же мне приснился тот сон-предвидение.

– Но где искать вход? Да и времени осталось в обрез – завтра утром мы уезжаем. Ну, что ж, приеду сюда снова на более продолжительный срок, – решил я.

– Вот только бы товарища себе найти! – Подумав, я решил рассказать все Марку и попросить его позже съездить сюда на недельку. Быстро светало. Мир из синего стал серым, словно обесцветился. Я осторожно поднялся, зрение было в порядке, голова тоже. Нашел на горизонте гору Шаманиху, около которой базировался лагерь и направил к ней свои стопы. Бежать я не решился, впрочем, что такое три километра, минут за сорок дойду потихоньку, решил я. Я автоматически переставлял ноги, а мысли вертелись вокруг ночной грозы. Вдруг в кедах захлю-

пало, и я вернулся к реальности. От Аркаима я отошел метров на пятьсот – посуху. А теперь передо мной расстилался совсем иной пейзаж. Было такое ощущение, что по степи прошел ураган вместе с потопом. Редкие кусты выдраны с корнем, трава буквально плавает в воде.... Пришлось дальше идти босиком, кеды я связал и повесил на плечо.

– Как там лагерь? – Встревожено думал я, убыстря шаг.

В лагере была катастрофа: некоторые палатки снесло ветром, и они, мокрые и мятые, лежали на земле жалкими кучками. Под ногами хлопала вода. Некоторые пытались развести костры, но все так промокло, что у них ничего не получалось. Машины были забиты под завязку, у нас в кабине тоже сидели чужие парень с девушкой. Никто не спал. Народ был хмурый и молчаливый, я бы даже сказал – ошалевший. Отец, увидев меня, вышел из машины, он был бледным и не выспавшимся.

– Что здесь произошло? Я видел грозу, но не думал, что она захватит лагерь. В Аркаиме ее не было, хотя гром и молнии были, будьте нате!

– Ты был в Аркаиме? – Спросил отец.

– Да! Мне не спалось, и я решил прогуляться, в полнолуние было светло как днем. А там я заснул, сам не помню как, прямо во время грозы. Проснулся и сразу сюда. – Про свое приключение решил отцу не говорить, по крайней мере, пока! Отец как-то очень внимательно и пристально разглядывал меня, наверное, целую минуту. Мне стало тревожно, казалось, он знает, что я чего-то не договариваю, но отец ничего не спросил.

– Сегодня ночью Аркаим активировался, был сильный выброс энергии, мы видели голубой столб, уходящий в небо. Наверное, это и вызвало грозу и шквальный ветер. Я, когда увидел, что тебя нет, хотел поискать, но ветер был настолько плотный и сильный, что сбивал с ног. Я боялся, что опрокинет машину, но все обошлось. Когда ветер утих, разразился такой ливень, что на расстоянии полуметра от себя ничего не было видно. Пришлось ждать до утра.

Помолчав, он добавил, как бы про себя:

– Или кто-то его активировал.

В груди у меня похолодело. Как это активировал? Я почувствовал, как зашевелились волосы на голове. Кроме меня там никого не было! Это я стоял в круге, когда странный иероглиф налился голубоватым пламенем, и его свечение усиливалось до тех пор, пока я не сошел с него, тогда он угас.

– Но как я мог активировать эту громадину? Это невозможно! – В ужасе думал я. Меня затрясло. Видимо у меня был такой вид, что отец взял меня за плечи и как следует, встряхнул.

– Глеб! Что с тобой? Что там случилось?

Но я только потрясенно смотрел на него, ни в силах вымолвить, ни слова.

Поняв мое состояние, отец сказал:

– Поговорим позже, дома, когда ты успокоишься. Пожалуйста, сиди в машине или рядом, но никуда не ходи. Хорошо? – Я только кивнул.

– Сейчас я разведу костер и вскипячу чай! – Отец достал канистру с бензином и слегка плеснул на мокрый валежник. Костер с трудом, но разгорелся. Меня зазнобило, и я с удовольствием выпил кружку горячего сладкого чая, есть не хотелось. Затем я забрался на заднее сиденье нашего «козлика», укрылся пледом и проспал до обеда.

3.3. Новые друзья

Когда я проснулся, солнце стояло в зените, и его жар обрушивался на степь, словно пытаюсь выжечь в ней все живое. На солнцепеке было, наверное, градусов сорок. В машине стояла духота, но парусиновый тент немного спасал от перегрева. Я вылез из машины и сел в ее тени, прислонившись спиной к колесу. На лобовом стекле я нашел записку от отца. В ней он сообщал, что все уехали на экскурсию на небольшом автобусе, который выделил экскурсионный центр.

– Пешком в такую жару, конечно, не находишься! – Подумал я. Над степью стоял туман от интенсивно испаряющейся воды. Через несколько часов все высохнет, и ничто не будет напоминать о страшной ночной грозе. Я пил теплую воду и уныло вглядывался в туманную даль. Меня немного знобило, в центре лба ощущалась пульсирующая боль, не очень сильная, но неприятная.

– Привет! – раздалось справа. Повернув голову, я увидел двух ребят, примерно моего возраста. Один – невысокий, смуглый, с черным ежиком волос и узкими раскосыми глазами, приветливо улыбался, с сочувствием глядя на меня. У него была типичная внешность «народов севера», но на его лице, цвета эбенового дерева, контрастно выделялись светло-серые глаза, похожие на две прозрачные льдинки.

– Плохо выглядишь. Что, тепловой удар? – спросил черноволосый. Я решил не вдаваться в подробности.

– Перегрелся слегка, да и не выспался из-за грозы, – ответил я.

– Гроза была знатная! – согласился чернявый, – я такое видел впервые!

Второй был его полной противоположностью: высокий блондин нордического типа, с короткой стрижкой, тяжелой челюстью и колющим взглядом прищуренных серых глаз.

– Пойдем под наш зонтик, – предложил узкоглазый, – втроем веселее будет. Недаром говорят, Бог троицу любит. Меня зовут Роман, а его Эрик.

– Глеб, – представился я.

– Мы вчера здесь все облазали и сегодня с группой на экскурсию не поехали, жарко очень, караулим палатки. Наша группа сборная, с разных краев, всего восемнадцать человек, в основном молодежь. А ты с кем?

– Я с родителями, братом и его девушкой. Не поехал на экскурсию, потому что плохо себя чувствую.

– Ну, идем! Сыграем в Дурака, все равно больше делать нечего. Но играть в карты нам не пришлось.

В лагере палатки располагались довольно кучно, поэтому идти было недалеко. Мы остановились около шести палаток, выстроенных в идеальную линию. Перед ними стоял большой пляжный зонтик, в тени которого уместился стол и несколько брезентовых складных стульев – на них мы и расположились. Потянул небольшой ветерок, рассеивая туманную завесу. Мне стало легче, пульсирующая боль утихала.

– Ты уже был на остатках Аркаима? – Спросил Роман. Я ответил утвердительно и поведал, что решил взглянуть на него в лунном свете, но меня там застала гроза, правда без дождя. Вернулся под утро, потому и не выспался, да еще в машине перегрелся, где немного вздремнул.

– Так ты должен был видеть столб энергии вблизи, как это выглядело, расскажи? – Попросил Роман.

– Я прошелся по остаткам цитадели, дошел до площади, в это время раздалась первые удары грома и на горизонте стали бить молнии. Площадь была освещена бледно-голубым светом, я решил, что это свет Луны. Потом я сел на траву около площади, замощенной плитами,

и стал наблюдать за грозой. Ну, а когда началось светопреставление, решил переждать до утра. Ничего необычного не видел, – соврал я.

– Жаль! – Разочарованно протянул Роман.

– Роман, компанейский парень, а Эрик, видимо, не из разговорчивых товарищей, – вынес я свой вердикт, разглядывая столь непохожих внешне друзей.

– Тебе сны об Аркаиме не снились? – Неожиданно спросил Роман. Я вздрогнул.

– Понимаешь, мы с Эриком случайно выяснили, что оба приехали сюда на экскурсию потому, что каждому из нас накануне приснился сон об этом месте. Причем сны были яркие, необычные и очень реалистичные. С Эриком мы познакомились здесь, в группе, добавил он.

Мне было любопытно узнать, что же им приснилось, и я решил рассказать о своем сне.

– Да, мне тоже недавно приснился сон, но я сначала не связывал его с Аркаимом, лишь потом, увидев реконструкцию цитадели, пришел к выводу, что мне, возможно, приснилось именно это место. Но полностью я не уверен.

– Становится все интереснее и интереснее! – Задумчиво протянул Роман.

– Ты уже третий, кому приснился Аркаим, а тут еще необычная гроза и свечение.

– Что тут странного, – ответил я, древние строители возводили культовые сооружения на разломах. Высокое напряжение электрического поля во время грозы могло вызвать спонтанный выброс энергии из разлома.

– Ну, в общем-то, ты прав, но все равно меня не покидает ощущение прикосновения к тайне, – задумчиво сказал Роман.

– Давайте познакомимся поближе, – предложил он, – где кто живет, чем занимается, и поделимся снами. Хотя мы с Эриком уже рассказали их друг другу, но повторим для тебя, если ты поведаешь нам свой.

Я согласился. Роман, по национальности якут, проживал в городе Якутске. Его мать преподавала в школе биологию, а отец был офицером полиции.

Он был на год старше меня. Закончив в этом году девятый класс, поступил в колледж на отделение компьютерных технологий. Хорошо разбирался в компьютерах, программах и программировании. Я подумал, что он, наверное, и хакер отличный, но утаивает эту свою способность. Впрочем, и я не собираюсь выкладывать им все о себе. Сначала нужно как следует познакомиться, узнать друг друга. И определить причину, сведшую нас вместе.

– Я еще и на гитаре играю! – Сообщил Роман.

– Год учился на курсах, но в основном сам до всего дохожу. Приходи сегодня вечером сюда, услышишь, как я буду аккомпанировать нашему туристическому братству, – улыбнулся он.

– Роман – веселый и жизнерадостный, легко вступает в контакт с незнакомыми людьми и, конечно, всегда душа компании, – с некоторой долей зависти подумал я.

Я узнал, что Эрик, оканчивает школу в следующем году и будет поступать в военное авиационное училище, которое готовит вертолетчиков. Недавно ему исполнилось шестнадцать лет, в свой день рождения он совершил первый прыжок с парашютом. Его родители, военные медики, работали в госпитале. Жили они на Байкале в поселке Гремячинск. Я тоже кратко рассказал о себе. Потом спросил, какими видами спорта они занимаются. Роман сказал, что с ним с двух лет занимается его дедушка, который исповедует буддизм и является служителем буддийского монастыря.

– Все лето я провожу у дедушки, несю вместе с ним службу в монастыре и работаю в огороде. Монахи много трудятся и в основном сами себя обеспечивают продовольствием. Дед обучает меня восточным единоборствам, медитации и управлению внутренней энергией. Я занимал первые места в районных соревнованиях в своей возрастной группе! – Похвастался Роман.

– Дедушка, чей отец: матери или отца? – спросил я.

– Отца! По материнской линии у меня есть только бабушка, она тоже живет в Якутске. А по отцовской – один дед. Зимой я хожу на секцию в спортивный центр и иногда тренируюсь вместе с отцом в их тренировочном центре. Там я даже стрелять научился.

Я отметил про себя схожесть этого факта с моей «биографией», но промолчал. Эрик, как и я, занимался русской борьбой. Тренировал его двоюродный брат отца. Еще он любил плавать, бегать зимой на лыжах, стрелять в тире, хорошо разбирался в компьютерах и компьютерных играх. В общем, у нас троих было много общего,

– Даже слишком, – подумал я, – слишком много для простого совпадения. Наконец, пришло время поделиться снами. Я рассказал свой сон, в котором парил над куполом, покрывающим призрачное сооружение, похожее на Аркаим. Рассказал и об его «подземном» отражении.

– Может быть, под Аркаимом и в самом деле есть подвал? – Загорелся Роман, – надо бы поискать! А вдруг.

– Ты имеешь в виду вход? – Спросил Эрик. – Да где его искать, с одной стороны река, а дальше степь. В Аркаиме тоже все хожено-перехожено, да и археологи раскопки делали, но ничего не нашли.

– Ну, археологи раскопки делали на небольшом участке, причем у стен. Надо бы поискать в центре, около площади. – Предложил Роман.

– Ну, да! Прямо в центре площади – люк в подвал, и никто его до сих пор не обнаружил, – саркастически изрек Эрик, а мы – раз, и нашли.

– Жаль я завтра уезжаю, времени мало на розыски. Может быть, на следующее лето мы втроем здесь соберемся на более длительный срок и все внимательно осмотрим? – Предложил я. Ребята согласились.

– Нужно обменяться адресами и емэйлами. – На том и порешили.

Затем рассказал свой сон Роман.

– Мне приснилось, что я лечу на огромной рыжей собаке в облаках, да так быстро, что облака проносятся мимо с огромной скоростью. Так и свистят.

– У собаки были крылья? – Поинтересовался я.

– Роман задумался:

– Нет вроде, я назад не оборачивался, боялся упасть, поэтому прижался к ее шее, вцепившись руками в густую шерсть.

– Как же она летела, без крыльев? – Ехидно поинтересовался Эрик.

– Ну, это же сон. Во сне все может быть, – обиделся Роман.

– Потом мы начали снижаться. Когда облака кончились, я увидел под нами бескрайнюю зеленую степь. Было очень мрачно, темно и серо, но не так, как в вечерние сумерки, а как перед грозой. Впереди появился свет. Когда мы подлетели ближе, я увидел огромное круглое сооружение, с дырой посередине. Вокруг стояли мрачные сумерки, а оно светилось, словно освещенное ярким солнечным светом. Собака приземлилась на кровлю, которая оказалась деревянной. Светло-золотистое дерево, из которого были сделаны широкие доски, показалось мне странным. Обычно древесина быстро темнеет на воздухе, а это была свежая, будто бы ей только что покрыли кровлю. Я подошел к краю крыши и посмотрел вниз на площадь. Там горел большой костер, но никого не было. Собака тоже подошла и легла рядом. Я присел и стал смотреть на костер. Через некоторое время на площадь вышла процессия жрецов в белых одеяниях до земли и с белыми бородами до самого пояса. Впереди шел старик в высоком золотом головном уборе, вроде папской триеры, с посохом. Посох был длинный, выше старика, а на его верху сверкал большой алмаз.

– Не жрецы, а волхвы. Жрецы, это в древнем Египте, а на Руси были волхвы, – поправил его Эрик.

– Пусть будут волхвы, – согласился Роман.

– Они обошли вокруг костра, затем остановились и начали петь, подняв кверху руки, но слов я не разобрал. Пламя костра взметнулось в небо, как будто в него плеснули керосином. Оно стало тусклым и изменило цвет, приобрело зеленоватый оттенок. Вдруг старик с посохом, стоящий ко мне спиной, резко обернулся и взглянул прямо на меня. Глаза у него светились синим. Я испугался и... проснулся, – закончил рассказ Роман.

– Да уж, страсти, – вынес вердикт Эрик. Мне сон приснился спокойнее, на историческую тему. Он рассказал, что во сне ехал на коне по степи в одеянии воина, с мечом за спиной. Вместе с ним было еще двое всадников. По пожухлой траве, ржаво-коричневого цвета, можно предположить, что стояла поздняя осень или ранняя весна. Они были разведчиками, возвращающимися домой. На душе у него было тревожно: на мир надвигалась какая-то напасть.

– Я поднял глаза и увидел на вечернем небе звезду, сиявшую ярче Луны. От нее вниз до самого горизонта простирался белый туманный «хвост». – Рассказывал Эрик.

– Впереди показались большие лохматые животные, идущие нам навстречу. Когда мы подъехали к ним ближе, я рассмотрел, что это мамонты, на которых сидели воины в кожаных доспехах с копьями и луками. За ними двигалась колонна людей со своим скарбом и животными. Это было похоже на переселение целого рода. Одни ехали на мохнатых лошадках с непропорционально большими головами, кто-то шел пешком. А некоторые передвигались на спинах ящеров размером с небольшого слона, они походили на больших носорогов: мощные и приземистые, с короткими толстыми ногами, длинными мордами, с серой безволосой шкурой и длинными хвостами как у динозавров. Сотни людей ехали и шли мимо, не обращая на нас никакого внимания. Когда стало темнеть мы подъехали к цели своего путешествия. Это был большой город-крепость. Когда проезжали ворота, я обратил внимание на толщину стены – метров шесть, не меньше, а в высоту и того больше. Стражники, охранявшие ворота, сказали, что нас ждет Владыка. Спешившись, мы пошли вместе с ними по кольцевой улице, на которую выходили двери помещений, примыкавшие друг к другу без просветов. Затем прошли в ворота во второй крепостной стене, еще выше первой. На открытой площади нас ждало трое старцев, им было, наверное, лет по сто, такие они были древние. Их белые бороды доходили до пояса.

– Один из старцев сказал, что ночью они принесли жертву и гадали, – продолжал Эрик, – что медлить нельзя, нужно уходить как можно скорее.

– Люди уже собрали вещи, можно уходить хоть завтра, мы ждали только вас, – добавил старец. Стало совсем темно, и мы разожгли костер на площади. Звезда все также висела в небе, точно большой зеленовато-белый фонарь. Ее шлейф теперь светился красным, видимо подсвеченный зашедшим солнцем. На этом мой сон заканчивается, сказал Эрик. Мы помолчали. Я представил хвостатую звезду на черном небе:

– Жутковатое зрелище. Может быть, это была комета? Метеоритов с хвостом не бывает, – прервал я молчание.

– Кто знает? – задумчиво обронил Эрик, – может и комета.

– А ваши сны похожи: костер, старцы...

– Смотри, это не твой отец? – Прервал меня Роман, – Наверное, тебя ищет.

Я обернулся. К нашему зонтику подходил отец. Он поздоровался с ребятами и посмотрел на меня.

– Ты уже успел познакомиться, как я погляжу. Пойдем, мать собрала обед.

Я пообещал, что вернусь, когда стемнеет, и мы с отцом отправились к машине. Только сейчас я почувствовал, что проголодался. День клонился к вечеру, жара спадала. Я надеялся, что эта ночь будет спокойной, без всяких катаклизмов. Вспомнил свой ночной поход и содрогнулся, теперь все произошедшее казалось лишь странным сном. После обеда я немного вздремнул, а проснувшись, отправился к новым знакомым. У палаток горел большой костер. Около него собралось человек тридцать разношерстных любителей попеть под гитару. У Романа оказался приятный голос, многие песни были знакомы, но некоторые я слышал впервые. Через

час я почувствовал, что глаза опять слипаются, удивился, что за сонливость на меня напала, и решил отправиться восвояси, тем более что в этой толпе поговорить с ребятами все равно не удастся. Я попрощался с ними, обещав поддерживать связь, и ушел. На следующее утро мы собирались выехать рано, как только начнет светать, чтобы часть дороги проехать по холодку.

3.4. Потомок фараона

Прошло два дня. Отец тему Аркаима и моего ночного похода не затрагивал. Я тоже молчал, так как догадывался, что он ждет приезда Маркела, который отбыл куда-то по своим делам. Моя догадка подтвердилась. Прошло еще три дня, и вечером отец сказал мне как уже о решенном деле:

– Вчера вернулся Марк, у него осталась последняя неделя отпуска. Мы договорились завтра с утра поехать на рыбалку, так что собирай вещи. Там и поговорим.

Сердце в груди екнуло, с одной стороны мне не терпелось начать этот разговор, я подозревал, что он связан с какой-то тайной. Но с другой...

С другой стороны я боялся ее узнать, чувствуя, что моя спокойная жизнь тогда окончательно канет в лету. На душе было тревожно. Я пробовал медитировать, но мысли метались в голове, словно потревоженные пчелы и не желали оттуда улетучиваться. Наконец я сдался:

– Пойду, побегаю, может быть, тогда мне удастся уснуть, усталость свалит с ног, – решил я. Сделав несколько кругов вокруг поселка, я попарился в бане, выпил горячего чая с малиновым вареньем и ночью спал как младенец без всяких сновидений.

Ярослав с нами не поехал, он с ребятами готовил праздничный концерт: Первое сентября было не за горами. Когда мы приехали на озеро, Маркел нас уже ждал с ужином. Потом я отправился на озеро и всласть наплавался. После изнуряющей дневной жары было приятно ощущать кожей прохладную свежесть воды. Затем я прилег в гамак, привязанный под деревьями рядом с рыбацким домиком, и отключился.

Проснулся резко, как будто толкнули под бок. Сна ни в одном глазу, словно и не спал только что. В лесу стояла тишина, ни ветра, ни звука, даже филин, живущий по соседству в дупле старой ели, и тот сегодня не ухал. Сквозь крону сосны просачивался лунный свет, иголки и переплетения веток, казавшиеся черными на его фоне, создавали запутанный ажурный узор. В окне избы горел свет, значит, отец с Марком еще не спят. Взглянул на часы: начало одиннадцатого вечера, еще не поздно. Я полежал несколько минут, прислушиваясь к ощущениям.

– Странно, что после купания в потоке энергии я ничего не чувствую, кроме необычайной легкости во всем теле, будто, я потерял треть веса, – подумал я.

Спиральная родинка на ладони не давала о себе знать, в солнечном сплетении не жгло, позвоночник не вибрировал, пульсация во лбу исчезла. Я вздохнул:

– Надо идти! Оттягивать разговор бесполезно. Я вылез из гамака, потянулся и пошел к избе. Отец с Марком пили чай. Я тоже налил себе кружку. Когда с чаем было покончено, Марк сказал:

– Погода изумительная. Пойдемте на берег озера, на свежем воздухе и пообщаемся. Взяв из машины складные туристические стулья, мы отправились на озеро. Когда все уместились, отец попросил меня подробно рассказать о том, что со мной произошло ночью на Аркаиме.

– Рассказывай все, как было, ничего не скрывай, это важно! – Сказал он. Я глубоко вздохнул, набрав полную грудь воздуха, и выдал им все, как на духу. Несколько секунд длилось молчание, потом отец сказал:

– Ну что ж, кое-что прояснилось! – Затем продолжил, – Глеб, ты уже понял, что обладаешь неординарными способностями. Так оно и есть. Я знаю об этом, и Марк знает. Ты пока не можешь пользоваться ими в полную силу. Да это и опасно, потому что ты еще слишком молод. Мы с Маркелом, обучая и тренируя тебя, надеялись раскрыть твои способности постепенно, годам к двадцати, но они стали проявляться у тебя слишком быстро. Идет их спонтанное открытие, поэтому мы дадим тебе необходимую информацию.

– Главное, тебе не следует бояться и не следует использовать способности во вред людям. В любой ситуации нужно быть хладнокровным и рассудительным, в этом помогут твои занятия по медитации и концентрации. Тебе нельзя, ни в коем случае, рассказывать кому-либо о своих возможностях, даже брату. Это опасно! Позже поясню почему.

– А мать знает? – спросил я.

– Мать знает, – ответил отец, но она не совсем в курсе. Поэтому много ее нагружать не нужно, а то она будет волноваться. Можешь обо всем говорить со мной и Маркелом.

– Расскажи еще о тех двух ребятах, с которыми ты познакомился, – подал голос Марк, – кто они, откуда, о чем вы разговаривали. Ты на свете не один такой способный. Бывает, что вы притягиваетесь, как магниты друг к другу: подобное привлекает подобное. Хорошо бы тебе найти друзей, с которыми ты мог общаться не скрываясь.

И я решил:

– Раз уж говорить, то говорить, – и рассказал то, что знал об Эдике и Романе, не забыв об их снах и о своем тоже.

– Так тебе снятся необычные сны? – Заинтересовался Марк, – расскажи-ка нам, что тебе снилось в последние месяцы. Пришлось пересказать им свои фантастические сны.

– Во сне тоже можно получать информацию, напрямую с высших планов мироздания. Но иногда информация воспринимается в виде символов. Похоже, тебе именно такие сны и снились, – задумчиво сказал отец.

– О снах поговорим потом, а сейчас немного истории. Экскурс в прошлое сделает Маркел, а я пока отлучусь. Не буду вам мешать, – с этими словами отец удалился.

– Дело в том, – начал Марк, – что твой геном имеет не только человеческие гены, но и не человеческие, которые достались тебе по линии предков, когда-то колонизировавших Землю. Они обычно находятся в латентном состоянии, так сказать, в спящем режиме, чтобы они «заработали», их нужно активировать. Большинство живет с ними всю жизнь и не знает о том, что они являются обладателями необычных способностей. У некоторых способности проявляются как творческая деятельность. Чаще это происходит у женщин чувствительных к энергетическим полям, с развитой интуицией и воображением. Есть еще одна группа людей, у которых «спящие» гены целенаправленно активируют с детства. Ты как раз к этой когорте и относишься.

– Получается, что подобных мне «выводят» специально! – Смекнул я, но зачем?

– На Земле скрытно существуют Стражи, которые издревле находятся в противостоянии с Орденом Черного Лотоса: его корни уходят в Атлантиду. Стражи объединены в клан Кентавров: он называется так из-за клейма в виде кентавра, которое они получают при инициализации. Стражи тайно охраняют человеческую цивилизацию от инопланетных агрессоров, намеревающихся пожить на планете. Стражей готовят с самого детства, постепенно развивая их способности. Но для того, чтобы пользоваться ими в полную силу, нужно пройти инициацию, во время которой активизируют геном на полевом уровне и открывают канал связи с высшими измерениями. Инициацию проходят в двадцать один год, когда тело уже готово адаптировать энергии с более высокими вибрациями, если оно не готово, то энергии его убьют, как убивает, например, радиация. В этом возрасте ученик уже может сознательно пользоваться своей психической энергией. Кроме того, он способен не только принять энергии высших измерений, но и управлять ими. После инициации молодой Страж еще четыре года обучается пользоваться новыми способностями, после чего он сам становится оружием.

– Еще один момент, – Марк как-то странно посмотрел на меня, – до инициации на протяжении тринадцати-пятнадцати лет, постепенно активируется первый уровень сверх способностей. После инициации – второй уровень. Но есть еще и третий уровень, который в нашей трехмерной реальности человек, даже с неординарным набором генов, использовать не может. Это сверх его сил и возможностей. Стражи оперируют энергией второго порядка. Однако в момент

особо важных событий, катастрофических для рода людского, на земле рождается Семаргл. Это человек, способный активировать третий уровень своих возможностей, которые многократно превышают уровень Стражей. То, что говорил Марк, звучало как отрывок из фантастического романа или скорее из романа-фэнтези с драконами, рыцарями и бластерами.

– Может быть, я сплю, а этот разговор мне снится! – Я потряс головой.

– Этого не может быть! – Я посмотрел на тренера. Его лицо было серьезным и сосредоточенным. Нет, он не шутил и не рассказывал мне сказку. Реальность таяла, словно я смотрел на мир через оплывающее ледяное окно. А там, за истончающейся ледяной поверхностью проявлялась другая реальность, незнакомая, чуждая и опасная. Мне стало холодно, хотя ночь была душной и жаркой.

– И сколько уже было этих Семарглов? – Спросил я.

– Всего их было двенадцать. Сейчас заканчивается тринадцатое тысячелетие со дня образования нашего Ордена, и грядут грозные события. Значит должен явиться Тринадцатый. Глеб внимательно посмотрел на меня.

– Тебе что, нехорошо? – Спросил он.

– Да как-то не по себе после твоих рассказов. Трудно все это переварить. Может, ты шутишь?

– Нет, Глеб, я не шучу. Ты должен принять новую реальность. С этой минуты она для тебя не такая, как для всех остальных людей. И ты должен научиться жить в ней, не выдавая себя. Темные охотятся за молодыми Стражами. Сейчас ты еще не в состоянии сразиться с ними на равных, поэтому будь внимателен и осторожен.

– А что означает Семаргл? – Спросил я Марка.

– Семаргл, это имя было известно еще древним руссам. Тогда оно произносилось немного иначе: Се Мар Мгл. Се значит «Это». Мар, Мара, Марана – на древнеславянском языке означало Смерть и Потусторонний мир. Мгла, значит «Тьма», это слово живо до сих пор. Здесь в одном слове слилось три. Говоря современным языком, дословно оно переводится как: Это Смерть Тьмы, проще говоря – Убивающий Тьму Светом, или Озаряющий, Светоносный, Огненный, Огонь. У него много имен. На латинском его имя звучит как Люцифер, То есть Сфера Света, Светоносный.

Я широко раскрыл глаза и рот тоже, пораженный услышанным именем:

– Падший Ангел! Час от часу не легче!

– Люцифер рождается на Земле в образе человека? Так же как Христос? – Потрясенно спросил я Марка.

– Да, как человек, – ответил Марк, как мне показалось с грустью в голосе.

– И проживет свою жизнь, как смертный, правда, могущественный смертный. В древней Руси он был известен под именем Денница, а в христианстве – как Архангел Гавриил. – Добавил он.

В голове у меня все перемешалось: Стражи, Люцифер, инопланетяне.... Марк видимо понял, что со мной творится, потому что сказал:

– Завтра еще пообщаемся. А сейчас спать! Иди в избу, отец должен заварить тебе чай с травами, чтобы ты успокоился и мог заснуть. Давай!

Я так и сделал. Не знаю, что отец подмешал в чай, но уснул я моментально и спал крепко, без сновидений до самого рассвета.

С утра Маркел нагрузил меня по полной программе: я плавал, бегал, разминался и оттачивал свое боевое искусство. К обеду выдохся так, что даже аппетит пропал, хотя в такую жару его и так не было, постоянно хотелось только пить. Лето выдалось аномальное, дождей практически не было, а столбик термометра порой зашкаливал за тридцать градусов. После обеда я опять поплавал. Вода не принесла облегчения, она прогрелась на солнце и стала теплая, как парное молоко. Затем поупражнялся в метании ножей и стрельбе из арбалета. Арбалет был

очень красивый, настоящее произведение искусства, темное полированное дерево, накладки из серебристого металла, блестящие заклепки, видно было, что делали его с любовью. Вечером мы немного порыбачили, с уловом повезло, ожившая к вечеру рыба так и хватала наживку. Костер развели, когда совсем стемнело и стало прохладнее. Я с удовольствием съел пару мисок наваристой ухи и, разомлевший, залез в гамак. Из леса заметно потянуло холодком, после дневного пекла ощущать, как он охлаждает разгоряченное тело, было блаженством. Но долго нежиться мне не пришлось, подошедший Маркел сказал, что хватит валяться без дела и пора продолжить разговор. Пришлось вылезти из гамака и последовать за ним на берег озера. Чувствовал я себя гораздо лучше и спокойнее, чем вчера.

Мое представление о мире изменилось, – думал я, – но зато он стал гораздо интереснее, чем был раньше.

– Расскажу тебе кратко, как трансформировалась наша планета во времени. В школе об этом вам уж точно не говорили. Только что сформировавшаяся земля была гораздо меньше, чем сейчас, примерно на треть, но тяжелее. Твердый верхний слой был еще тонким, на него постоянно изливались лавовые потоки, высоких гор не было. В результате реакций, происходящих в ядре планеты, оттуда выделялись водород и кислород, которые соединяясь, образовывали, хорошо тебе известную, молекулу воды. Испаряясь, вода окутывала землю горячим одеялом пара. Похожее сейчас происходит на Венере, но когда-то она станет такая, как земля сейчас. Постепенно температура на поверхности падала, на ней начали образовываться первые озера и реки.

– Ты знаешь, что планеты тоже растут? – Задал вопрос Марк.

– Ну, слышал кое-что, ответил я.

– Силовой каркас планеты, матрица материального каркаса, представляет собой ряд кристаллов, вложенных друг в друга наподобие матрешки. Вначале на первом кристалле сформировалось ее материальное тело. Но со временем из существующего кристалла пророс второй, это земля, на которой мы живем сейчас. Он имеет больше граней, поэтому его форма совершеннее. И так далее. Кристаллы проявляются в материальном мире, прорастая один из другого, как все усложняющийся каркас планеты.

Если просмотреть весь ряд трансформаций планеты, то мы увидим, что ее форма постепенно приближается к сфере, так как сфера является самой совершенной формой для кристаллов. В настоящее время каркас нашей планеты представляет додекаэдр, имеющий двенадцать граней в виде правильных пятиугольников, сквозь который прорастает икосаэдр. У икосаэдра имеется двадцать граней в виде правильных треугольников. Земля – это растущий кристалл, который проходит стадии трансформации в высшую форму существования. Его вершины и ребра обладают аномальными свойствами. Они являются аккумуляторами внутренней энергии, которая периодически сбрасывается в окружающее пространство.

– Но вернемся к теме зарождения жизни, продолжил Марк.

– Со временем на поверхности земли скапливалось все больше воды. По мере роста планеты ее кора лопалась, трещины заполнялись водой, образовывались материки, которые все дальше расходились друг от друга. Появились моря и, наконец, океаны. Поверхность остывала, климат стал прохладнее. Вода аккумулировала тепловую энергию и затем равномерно отдавала ее в атмосферу. Когда планета стала пригодна для жизни, в ее водоемы произвели посев звездного семени. В них начала развиваться жизнь. На поверхности земли «посеяли» споры и семена растений, которые бурно развивались, так как в атмосфере находилось много углекислого газа. Поглощая его, растения выделяли кислород, так образовалась атмосфера, пригодная для жизни млекопитающих. Жизнь вышла из океана и начала осваивать сушу.

– А кто производил посев? – Спросил я.

– Семена жизни в космосе распространяют цивилизации, достигшие высокого уровня развития, для которых расстояние не является проблемой. Я тебе о них расскажу позже, – ответил Марк.

– Ну вот, мы и дошли до возникновения человека. Не будем углубляться в дебри, ведь на земле до нас уже существовало несколько цивилизаций.

– Куда же они делись? – Поинтересовался я.

– Как говорят поэты: их поглотили пески времени! В Космосе существует множество планет на разных уровнях мироздания. Разумные существа, пройдя цикл развития на одной планете, переходят на другую, которая существует или в ином измерении или на ином уровне вибраций, а на покинутой планете цивилизация частично, а то и полностью уничтожается и там начинается новый цикл. Космическая мельница Сампо безжалостна, она с легкостью перемальвает не только цивилизации, но и планеты, солнечные системы, галактики. В мире нет ничего постоянного, все рождается, достигает пика развития и погибает, чтобы где-то возродиться вновь в ином виде, так как «зерно» Духа бессмертно.

– Жизнь в галактике распространяется волнами. Самая древняя цивилизация развилась в созвездии Лиры, она-то и является Предтечей еще нескольких в Галактике, в том числе и нашей. Первая «волна жизни» с Лиры докатилась до Веги. Когда жизнь и там достигла высокого уровня, то следующая волна, уже с Веги, заселила Плеяды, затем Сириус, Орион и еще несколько звездных систем. Когда Земля была готова принять «звездное семя», то сюда прибыли представители нескольких цивилизаций, чтобы засеять ее водоемы и поверхность. Дело в том, что цивилизации, даже достигшие невероятного расцвета, могут погибнуть по разным причинам, это может быть падение астероида, взрыв Солнца или геологические катастрофы. Нельзя сбрасывать со счета и войны, в космосе есть разные формы жизни, в том числе и агрессивные, и с ними приходится воевать. Поэтому, когда цивилизация выходит в космос, она ищет планету, пригодную для жизни и стремится «посеять» на ней свое ДНК. Это делается для того, чтобы через много лет на ней развилось человечество, несущее в своих генах информацию о своих звездных родителях, может быть к тому времени уже не существующих в данной реальности.

Не буду углубляться в миллионно летнюю историю развития жизни на планете, нас сейчас интересует временной отрезок в несколько десятков тысяч лет, – продолжил Маркел.

– Пойдем в избу, что-то чаю хочется, – предложил Марк. Я был не против. Заварив чай, Марк налил его в эмалированную кружку, разрисованную аютиными глазками, и не спеша принялся пить. Я терпеливо ждал. Наконец он закончил и продолжил рассказывать.

– Когда Земля родила и выпестовала тело способное быть вместилищем разума, в дело становления человека разумного снова вмешались инопланетные расы. На планете к тому времени проживало несколько видов высокоорганизованных животных, это были обезьяны. Орионцы начали экспериментировать с двумя видами. В результате чего появились первые люди двух разновидностей. К одному типу относились существа ростом около полутора метров, ко второму, ростом около метра. Плеядянецы проводили эксперименты с третьим видом обезьян. Так как они сами были очень высокие, то и группу обезьян выбрали самую рослую. В результате, их человеческое существо имело рост около трех метров, к тому же обладало развитым волосным покровом и некоторыми экстрасенсорными способностями. Оно было хорошо приспособлено для жизни в суровых климатических условиях, в горах, в районах с холодным климатом. Так как у него не было длинного горла, в отличие от первых двух групп, у него активировали способность общаться ментально – телепатически. Длинная глотка позволяла произносить звуки, в результате чего первые две разновидности начали общаться посредством речи.

Я уже откровенно зевал. Марк, заметив это, рассмеялся:

– Вижу, тебя не очень интересуют мохнатые предки. Ну, хорошо, оставим их в покое и перенесемся к тому моменту, когда цивилизация Атл Тул ан, известная тебе как Атлантида, прошла свою точку развития и начала угасать. Тогда цивилизаторы с созвездия Сариур, сейчас известного как Сириус, отселили часть атлтуланов-атлантов на территорию современного Египта и стали управлять ими напрямую. Отсюда пошла династия божественных фараонов Египта. Сариурцы не могли скрещиваться с людьми напрямую, потому что у них была голубая кровь, а не красная. Красный цвет человеческой крови определяет гемоглобин, основанный на ионах железа. У сириурцев же метаболизм развился на основе меди, поэтому проживание на нашей планете было для них некомфортно и даже опасно. Основной отряд оставался на корабле-ковчеге, летающем вокруг Земли. На планете постоянно проживали только фараоны со своей свитой. Сириурцы решили создать касту правителей, поэтому они, отобрав группу наиболее сметливых египтян, внесли в их геном изменения. С помощью генной инженерии и наложения новой волновой матрицы на их структуру ДНК (ядро, несущее информацию об индивидуальных признаках данного индивидуума) и РНК (энергетические станции клетки) они внедрили в них новые программы, но поставили «замки». «Замки» или блокаторы должны были сниматься по мере эволюции носителя. Дополнительные способности открываются у того в момент «квантового скачка» сознания, то есть тогда, когда энергетический кокон – аура человека-носителя поднимает свои вибрации до следующего уровня.

– Ну, это словно ходьба по ступеням вверх, – пояснил Маркел. – Только здесь под ступенями подразумеваются октавы, как в музыке.

– Чем быстрее вибрирует твоя аура, тем «тоньше» твое сознание, тем оно «горячее», так как ты приближаешься к Богу, этой разумной огненной субстанции. Если объяснить проще, то чем ближе ты приближаешься по ступеням вибраций к Богу, тем ты становишься осознанней, ты «просыпаешься» и вспоминаешь, присущие тебе с рождения, божественные навыки. Если ты отдаляешься от Бога, спускаясь вниз по эволюционной лестнице, то «засыпаешь», твое сознание гаснет, ты становишься тупым, примитивным существом, которое интересуется только едой, бабками и сексом.

– Понятно? – Спросил Марк. Я кивнул.

– Когда государство Хем, так назывался раньше Египет, встало на ноги, фараоны самоустранились от власти и отправились восвояси, оставив править вместо себя фараонов-людей. Египтом стали править их бастарды, а сами они покинули пирамиды, но фараоны все равно считались наместниками бога на Земле, а пирамиды священной обителью их духа после смерти.

Фараоны и орден жрецов обладали некоторыми сакральными знаниями, переданными им сириурцами, и имели способности отсутствующие у простого обывателя. Располагали они и секретными технологиями. Государство просуществовало несколько тысяч лет и, так как нет ничего постоянного, стало деградировать, а потом вообще застыло на одном уровне. Сириурцы не могли бросить своих подопечных в беде. Они опять решили помочь им, дать толчок для дальнейшей эволюции. Из их звездной системы прибывает эмиссар и становится очередным фараоном. Произошло это в 1355 году до нашей эры, то есть около трех тысяч четырехсот лет тому назад. Этого фараона звали Аменхотеп IV, но больше он известен как Эхнатон. Он правил Египтом – страной Хем, семнадцать с лишним лет.

– Еще немного терпения, и я закончу, – сказал Марк.

– Закостеневшее египетское общество поклонялось десяткам богов, тупо соблюдая непонятные ритуалы, некогда скопированные с действий сириурцев, которых почитали за божества со звезд. Эхнатон упразднил всех богов и ввел единобожие, выбрав для образа бога символ в виде Солнца. Кроме этого он ввел в геном своих многочисленных детей некоторые новые программы, более совершенные, чем уже имеющиеся у касты жрецов и фараонов.

– Ты видел портрет Эхнатона? – Спросил Маркел, – сейчас я тебе его покажу. Он открыл ноутбук, пару раз щелкнул мышью и протянул его мне. Я взял ноутбук и посмотрел на лицо Эхнатона, точнее его статуи, выполненной из серо-голубого камня. Высокая корона делала узкое длинное лицо еще длиннее. Рот с выступающими пухлыми губами, казался непропорционально большим на этом слишком узком лице. Необычный облик дополняли огромные раскосые глаза.

– Да, облик у него точно не земной! – Подумал я.

Чем больше я вглядывался в нетипичные черты фараона, тем беспокойнее становилось на душе. Я никогда не видел его портретов и статуй, но лицо было странно знакомым.

– Такое чувство, будто я уже видел его, – озадаченно произнес я, возвращая ноутбук. Марк пристально посмотрел на меня:

– Обернись, видишь на стене зеркало? – Спросил он.

– Подойди к нему!

Я недоуменно поднялся и пошел к зеркалу. Было уже поздно, я устал и слегка отупел от истории древнего Египта, которую по неведомым причинам мне решил сегодня преподнести тренер. К тому же зверски хотелось есть. Раньше я ел мало, что беспокоило мать. Последние же несколько месяцев ее беспокоит моя прожорливость: теперь я ем много, по-прежнему оставаясь худым и жилистым, ни грамма жира неросло на моей талии. Отец даже шутит, что у меня в животе появилась небольшая черная дыра, в которой без следа исчезают продукты. Подойдя к зеркалу, я взглянул на Марка.

– Ну, и...

– Ты не на меня смотри, ты в зеркало смотри! – Произнес он.

Я сонно воззрился на свое отражение, но через пару секунд сонливость сняло как рукой. Я почти слышал, как моя челюсть отвалилась и с громким щелчком ударилась об пол. На мне не было высокой короны фараона, и лицо было не такое длинное, и губы нормальные, и кожа была не серо-голубой, а красновато-коричневой от загара, но сквозь мое лицо явственно проступали черты Эхнатона. Точнее было бы сказать наоборот: это мое лицо выступало из его лица, совсем как в каркасе Земли один кристалл прорастает из другого, о чем мне недавно рассказывал Марк. Некоторое время я, молча, разглядывал свое отражение. Затем саркастически хмыкнул: мое лицо до сего момента несущее признаки врожденного уродства неожиданно обрело черты божественного происхождения.

– Значит, Эхнатон мой предок? – Только и смог я выдавить из себя: слишком уж сильным было мое удивление.

– Смотри на свое отражение, ты мог бы и не спрашивать. – Тоже хмыкнул Маркел.

– Конечно, три с лишним тысячи лет слегка нивелировали его черты, но узнаваемость поразительная. Кстати, ты первый из подобных тебе, в ком настолько ясно проступили его черты. Несомненно, ты несешь в себе свойства, заложенные им в потомков. И они уникальны.

– Иди спать. Я тоже лягу, подустал что-то сегодня, – сказал Марк.

Я решил лечь спать на природе – в гамаке, привязанном к двум большим соснам. Сквозь сосновые ветки проглядывали звезды, пахло разогретой на солнце хвоей и горьковатой сосновой смолой. Приятно было ощущать ночную прохладу после дневной жары. Я лежал, глядя на переплетения веток над головой, но мои мысли были заняты невероятным открытием: я прямой потомок египетского фараона, который по совместительству являлся еще и инопланетянином. Я вспомнил слова отца о том, что являюсь носителем инопланетных генов. Так вот, оказывается, куда тянется ниточка. Ну, и дела. Я долго не мог уснуть от возбуждения. В конце концов, усталость взяла свое и я отключился.

Больше Марк с отцом темы моего происхождения и моего будущего не касались, видимо решив, что и так много информации на меня вывалили. Мы отдыхали, ловили рыбу, утром по холодку тренировались, а в самую жару дремали в гамаках, наслаждаясь тишиной и покоем

последних дней отдыха. Отцу с Маркелом надо было возвращаться к работе, а у меня начинался новый учебный год. Я с тревогой размышлял о своих отношениях с одноклассниками в свете новых знаний, но потом махнул рукой – будь, что будет.

Наступил последний день отдыха. Отец решил выехать домой вечером, после захода солнца.

– Ночью ехать прохладнее, а то целый день по жаре – тяжело. И когда уж пойдет дождь? – Уныло заключил он.

Совершив утреннюю пробежку и поплавав в озере, мы позавтракали. Потом, отец занялся подготовкой машины к отъезду, а мы с Марком залезли в гамаки, и я решил уточнить кое-какую информацию.

Что такое «Мельница Сампо»? – спросил я, ты упоминал о ней в своем рассказе.

– Мельница Сампо один из центральных сюжетов карело-финского эпоса «Калевала». – Ответил Марк, в эпосе она представлена, как волшебный предмет, влияющий на все мироздание. Ее выковал кузнец Ильмаринен на седьмой день работы в кузнице. Если вспомнить Библию, то наш мир тоже был создан за семь дней. Поэтому Мельница Сампо – это символ, имеющий несколько значений. Во-первых, она представляет наше мироздание в виде некоего небесного механизма, который непрерывно создает различные вещи – от звездных систем до минералов, цветов, животных и так далее, и тут же их перемалывает, распыляя на атомы. Сампо вмещает в себя все сущее. Это своеобразная трактовка развития мира, в индийском эпосе, например, данными деяниями занимаются Вишну, Кришна и Шива. Вишну создает миры, Шива их уничтожает, а Кришна – хранитель и наблюдатель, следит за их развитием, включая и наше человечество. Второе значение Мельницы как символа – солнечная система: ее возникновение, развитие и угасание. Следующая трактовка: Мельница – это планета Земля, которая вращается вокруг своей оси. В этом случае Крышка Мельницы символизирует усеянный звездами небосвод, вращающийся вокруг центральной оси, которая соединяет полюса планеты и на данный момент направлена на Полярную Звезду. В финском эпосе Калевала индифферентно сообщается о страшной космической катастрофе потрясшей Землю. В нем говорится, что Сампо в конце концов разбивается. Часть ее обломков тонут в море, часть выносятся волнами на берег, а ее Крышка и вовсе была потеряна, ее унесла с собой хозяйка Похьелы, темного нижнего мира. То, что это не первая Мельница, сделанная кузнецом, говорит о том, что катастроф было несколько. Символом Земной Оси – Мирового Дерева, является гора Меру, которая находилась на северном полюсе в стране Гипербореев. На самом деле это была не гора, а огромная пирамида, превосходящая своими размерами пирамиду Хеопса. После катастрофы большая часть Гиперборей затонула. Все, что от нее ныне осталось, это Гренландия и Кольский Полуостров.

– Ты обратил внимание, что Сампо символизирует как нашу Галактику, так и ее составляющие части, все в уменьшающемся размере, – спросил Маркел.

– То есть одним из ее фундаментальных принципов является фрактальность! Фрактал, если ты помнишь, это копирование самого себя в увеличивающемся количестве и во все более мелком масштабе, от Макрокосмоса до Микрокосмоса. Еще Гермес Трисмигист, великий мудрец прошлого, сказал: «Как наверху, так и внизу. Как внизу, так и наверху». Подобие оригинала производит подобное себе.

Мы помолчали. Затем я задал вопрос, который казался мне важным, хотя я и не мог понять – почему.

– Марк, а «Тринадцатый Семаргл», чтобы достичь третьего уровня своих способностей, проходит две ступени инициации? И только после этого может использовать их в полном объеме?

– Да, он проходит инициацию два раза. Но для того, чтобы выдержать последнюю, нужно еще кое-что. – Марк помолчал.

– Он должен найти ключ, с помощью которого откроет доступ к скрытой на полевом уровне программе, внедренной в его геном, активирует ее, что и даст ему возможность пройти последний этап. Иначе он погибнет, я имею в виду, погибнет его физический носитель, его тело. Ключ является древним артефактом, который он должен найти самостоятельно, настроившись с ним в резонанс. Сделать это может только истинный Семаргл и никто более. Где находится ключ и как он выглядит, никто не знает. Я не думаю, что он будет иметь форму обычного ключа, нет, конечно. Ключом может быть все, что угодно: кристалл, терафим, так называется заряженный энергией амулет, древнее техническое устройство, даже мелодия. Да все, что угодно. Главное, эта вещь должна сработать как «спусковой крючок», – закончил Маркел.

– То есть он спрятан где-то на планете, – констатировал я.

– А кто его спрятал?

– Спрятал его последний Семаргл перед своим уходом. Я еще знаю, что «ключ» заключен в энергетическую капсулу, проникнуть сквозь нее и почувствовать энергетику «ключа» не может ни Страж, ни Темный, ни экстрасенс-человек, ни инопланетянин. Она будет прозрачна только для его приемника, следующего Семаргла. Я слышал, что Темные не оставляют попыток найти «ключ», так как, если его кому-то удастся активировать, то он позволит тому включить свои сверх способности, даже без прохождения инициации вообще, и использовать их на физическом плане. Те же кто, сможет использовать его по назначению и пройдет инициацию, получит в свое распоряжение уже супервозможности. Но, повторяю, насколько мне известно, «ключ» настроен только на уровень Семаргла, так как он изначально обладает тем, чего нет у других. Только в его геном внедрена соответствующая «программа».

Я задумался: «Где же может находиться «ключ?»».

– Наверное, ключ спрятан в одном из мега сооружений древности, например, в Стоунхендже или пирамидах Египта. Или в каком-нибудь древнем храме в джунглях Камбоджи или Индии. – Предположил я.

– Но как же будущий Семаргл его найдет, если он родится в Германии или Франции, а «ключ» спрятан в Таиланде. Ну, это я так, в качестве примера.

– «Ключ» и Семаргл связаны невидимыми магнетическими нитями еще до рождения, поэтому он обязательно родится недалеко от артефакта, – заверил меня Марк.

– А может найти его кто-нибудь случайно? – Не унимался я.

– Что тебя так волнует этот вопрос? – Улыбнулся мой тренер, – уж не собрался ли ты прямо сейчас отправиться на его поиски? Ну, а насчет – найти случайно... не думаю. Во-первых, он должен быть спрятан в труднодоступном и малопосещаемом месте, где не топчутся стада туристов и носорогов. Во-вторых, я считаю, что Семарглу придется задействовать свои экстрасенсорные способности, свое видение третьим глазом, чтобы обнаружить его хранилище или вход туда. Для простого обывателя он будет невидимым, да и для Темных тоже, раз они до сих пор его не нашли.

– Кстати, как у тебя продвигаются дела с «видением»? Есть сдвиги?

– Пока нет. Но может быть после того, как я попал в эпицентр энергетического выброса в Аркаиме, оно появится? – С надеждой спросил я.

– Не знаю, не знаю... все может быть! – С сомнением в голосе промолвил Маркел и вылез из гамака.

– Пойду-ка я еще окунусь. Ты со мной? – Я тоже поднялся.

– Марк, еще один вопрос – последний!

– Задашь по дороге, идем, а то жарко очень.

Взяв полотенца, мы направились к озеру.

– Задавай свой вопрос? – обратился Марк ко мне.

Скажи, у Семарглов были какие-нибудь отличия, какие-нибудь особые метки на теле, например? – Спросил я.

Марк задумался:

– Нет, по крайней мере, я ничего такого не слышал. – Я с облегчением вздохнул, так как мне не давала покоя моя родинка на ладони в виде белой спиральки, о которой я пока никому не рассказывал. Моя интуиция подсказывала, что лучше об этом факте молчать, а там видно будет. Беспокоила она меня редко, да и то на короткое время. Мало ли какие аномалии у людей на теле бывают, у кого горб или бородавки, а у меня ледяная спираль...

– Если бы что было, то Стражи оставили бы эту информацию своим потомкам. Вопрос интересный, надо будет поинтересоваться на эту тему. – Марк остановился и внимательно посмотрел на меня. – Почему ты спрашиваешь об этом?

Я сделал невинное лицо:

– Да так, просто пришла мысль в голову, мне показалось, что Семаргл должен иметь отличительный знак, по которому его можно было бы узнать. Впрочем, глупая мысль. Может быть как раз наоборот, он и не должен иметь отличительного знака, чтобы не выдать себя.

– Ты прав! Я как-то никогда не задавался этим вопросом. – Сказал спокойно Марк, но по быстрому взгляду, брошенному в мою сторону, я понял, что его что-то тревожит. Но он больше ничего не спросил.

Когда солнце стало клониться к горизонту, мы выехали. Машину вели по очереди Марк с отцом, а я благополучно проспал всю ночь, растянувшись на трех сиденьях. Домой мы прибыли затемно. Я плавно переместился с сидений машины на свой диван и проспал до одиннадцати часов утра.

4. Кольцо Химеры

4.1. Настройка видения

На следующий день после возвращения из Аркаима у меня состоялся разговор с отцом. Мне хотелось узнать, какое отношение имеют они с Маркелом к Ордену Стражей. Отец оказался немногословен, сказав, что, чем меньше я буду знать, тем будет лучше для всех нас, но все-таки кое-что поведал. Как я и думал, оба они были членами этой тайной организации. Отец рассказал, что основная часть Стражей живет как обычные люди, и лишь пятая часть членов ордена дислоцируется на базах, скрытых в горах, под землей и даже под водой. Некоторые Стражи заводят семьи, но женятся они только на женщинах, имеющих в своем ДНК инопланетные гены. Родившихся детей растят и обучают по специальной методике: мальчиков как будущих стражей, а девочек готовят стать матерями будущих стражей. Поэтому моя мать знала, что у нее родится необычный ребенок. И она знала его дальнейшую судьбу.

– А почему она первый раз вышла замуж не за Стража? – Спросил я.

Отец вздохнул:

– Любовь! Молодая была. Чувства взяли вверх над предназначением.

– Так, значит, ваша женитьба только необходимостью? Вы не любили друг друга? – Перспектива жениться не по любви, а по «плану» меня совсем не устраивала.

– Ну что ты? Стражи тоже люди. Когда мы встретились с твоей матерью, мы полюбили друг друга, но она не знала, кто я. Узнала только после свадьбы.

– А ты знал, кто она?

– Я знал. Меня заочно познакомили с несколькими кандидатками, мне понравилась твоя мать. Мне устроили перевод в военную часть, стоящую рядом с поселком, где она работала. Со дня смерти ее мужа тогда прошло полгода, она уже смирилась с его гибелью. Мы «случайно» познакомились. Ну, в общем, я не стал тянуть с предложением, и еще через полгода мы поженились.

У меня мелькнула мысль спросить: ее первый муж, в самом деле, разбился из-за неполадок в самолете или ему помогли? Но я не решился. Во-первых, отец все равно не сказал бы правды, если и помогли. Во-вторых, я ничего об этом не хотел знать. Лучше оставить все как есть, и думать, что его гибель просто несчастный случай.

Отец рассказал, что лет с десяти – двенадцати к будущему Стражу прикрепляют Наставника, который занимается его обучением. Наставник обычно работает тренером в спортивной местной школе или в школе боевых искусств, обучая подростков, какому либо виду единоборств, концентрации внимания, медитации и психотренингу. Но основная его задача юный Страж. Когда кандидату в Стражи исполняется шестнадцать лет, его посвящают в тайну рождения и в его предназначение. Обычно к этому возрасту уже видно, получится ли из подростка Страж или нет.

– Так значит, не все становятся Стражами? – Догадался я.

– Не все, – согласился отец, – отсеивают больше тридцати процентов.

– Выходит, те, кого отсеяли, так никогда и не узнают, что могли бы стать Стражами? Не узнают об Ордене и проживут жизнь обычного человека?

– Да, это так, – подтвердил отец.

– Тебе пришлось открыть эту тайну раньше на два года, потому что у тебя спонтанно начали открываться способности. И ты по незнанию мог бы натворить дел.

– А часто бывают такие случаи, как мой?

Отец задумался. Видно было, что он в сомненье, что ответить. Наконец, он произнес:

– Ты первый! Это единственный случай, когда пришлось ввести в курс столь молодого кандидата. Но тебе не стоит задирать нос. Веди себя очень осторожно! Не показывай никому своих возможностей, это опасно для тебя. Помни, что Темные не дремлют.

– Отец, а было такое, что Темные нашли и уничтожили кандидата в Стражи?

Отец вздохнул:

– На моей памяти такое было один раз, не уберегли парня. – Он обнял меня, взъерошил волосы и сказал:

– Не беспокойся, все будет в порядке. Тебе нужно окончить восьмой класс, а потом мы тебя заберем в более защищенное место, но об этом позже.

– Мы переедем? Куда? – Воскликнул я.

– А вот это тайна! Никто не должен будет знать, о твоём новом месте пребывания. И о переезде никому даже не заикайся! Глеб! Думай прежде, чем что-нибудь ляпнуть! Ни с кем не разговаривай ни о возможном переезде, ни о своих способностях. И тем ребятам ничего не пиши о себе, электронную почту можно взломать. Учись быть молчаливым, от этого зависит твоя жизнь. Ну, все, разговор окончен. И вот еще что! Я дам тебе навигатор, он вмонтирован в часы, чтобы не вызывать лишних вопросов. – Отец достал из кармана часы с крупным циферблатом, похожие на командирские. Их дизайн не бросался в глаза, часы как часы.

– Носи его постоянно, так мы с Маркелом будем знать, где ты находишься. Если тебе понадобится экстренно нас вызвать, утопи эту кнопку и передвинь ее влево. – Отец показал на серебристый выступ над циферблатом, который я принял за украшение.

– Заводить или менять батарейку в часах не надо, они подзаряжаются от света.

Утром я отправился в школу на собрание. Обычная встреча перед началом занятий: узнать расписание уроков, встретиться с ребятами. Ничего особенного, но у меня начался мандраж, мне казалось, что я выдам себя, что ребята теперь заметят, как я изменился, или вдруг увидят мое сходство с древним фараоном. Мне казалось, что на моем лице стоит печать моей исключительности. Страхи оказались напрасны, из-за любви к одиночеству, я так и не обзавелся другом среди одноклассников, поэтому на меня пристального внимания никто не обратил. Похлопали по плечу, спросили, ездил ли в отпуск, на том вопросы и закончились. Я вздохнул с облегчением. А через несколько минут, поддавшись радостному всеобщему настроению, забыв о своих способностях, включился в разговор. Ребята показались мне помельчавшими.

– Неужели я так сильно вырос за каникулы? – Удивился я.

Вечером, ложась спать, я решил до начала занятий сходить к ущелью на свое любимое место, поведать Химеру. При воспоминании о каменной Химере, сердце забилось сильнее. Я чувствовал, что с ней связана какая-то тайна, которую я обязательно должен разгадать. Я надеялся, что она откроет эту тайну во сне, но мне ничего не приснилось.

Весь следующий день до обеда пришлось помогать матери по хозяйству. Затем мы, прихватив Ярослава вернувшегося из ДК с репетиции ансамбля, отправились в универмаг купить костюмы для школы, из старой формы как оказалось, мы выросли. Вечером мать измерила нам с братом рост, сделал новые зарубки на косяке. Ярик вырос всего на три сантиметра, зато я за лето маханул на восемь. Вечером я собрал рюкзак и поставил будильник на пять утра. Мать до позднего вечера будет на дежурстве. Ярослав с Викой собирались на день рождения к его другу. А мне самое время отправиться на прогулку к ущелью. Ночью прошел небольшой дождь, трава была мокрая, пришлось надеть резиновые сапоги, но от принятого решения я не отказался. Выпил чашку кофе, сделал бутерброды в дорогу и отправился по знакомому маршруту.

Химера, так я назвал каменный выступ на краю ущелья, похожий на какое-то древнее чудовище, разглядывающее что-то на дне ущелья, была на месте. Да и куда, собственно говоря, она могла деться. Пока я добирался сюда, распогодилось, солнце чувствительно припекало, несмотря на конец августа. Я внимательно осмотрел скальный выступ, надеясь найти знак или

пиктограмму, но никаких рисунков на нем не было. И все-таки я чувствовал, что энергетика вокруг Химеры другая. Я ощущал ее воздействие даже метрах в трех от уступа. Разочарованный, я взобрался верхом на Химеру и, свесившись, заглянул в ущелье. Внизу, метрах в трех, был небольшой выступ в виде полки шириной не больше полуметра. Мне пришла в голову мысль спуститься туда и осмотреть стену ущелья под Химерой. Но у меня не было альпинистского снаряжения. Помозговав, я решил попросить Марка продолжить тренировки по скалолазанию, тогда появится возможность использовать снаряжение в своих целях. Я не понимал, почему меня так привлекает это место, и что я ищу. Это было на уровне интуиции. Перекусив бутербродами, я решил немного позагорать и растянулся на полянку рядом с камнем. Скоро меня разморило, и я уснул.

Проснувшись, я с ужасом обнаружил, что уже совсем стемнело. Только вдоль горизонта тянулась узкая малиновая полоса заката. Над ущельем всходила Луна. Диск ее, обычно светло-золотистый, сегодня был неприятного темно-оранжевого цвета.

– Сколько же я проспал? Дома уже, наверное, меня хватились. И как я по темноте буду добираться до поселка? Придется здесь заночевать! – Лихорадочно соображал я.

Я вспомнил о мобильном телефоне, но он оказался полностью разряжен, хотя я заряжал его позавчера. Потом вспомнил о часах с навигатором, но от него не было никакого толку.

– Наверное, мобильник разрядился из-за энергетики этого места, – подумал я, – в аномальных зонах такое бывает. Меня что-то беспокоило, что-то было не так. Я прислушался, стояла полная тишина, ни шелеста травы, ни порывов ветра, ни стрекотания сверчков. По спине пробежали холодные мурашки. Силуэт Химеры, виденный мне в профиль, в свете странной Луны казался отлитым из куска еще не остывшей лавы. Вдруг луна дрогнула и стала приближаться, увеличиваясь в размерах. Только тут я понял, что это и не луна совсем, а шар из светящейся плазмы. Он, двигаясь над ущельем, пролетел мимо меня, и я смог определить его размеры, где-то метров десять в диаметре. Шаровой молнии таких размеров не бывает. Шар опустился за поляной, метрах в ста от меня и погас. Стало совсем темно, только над ущельем висел тонкий серп нарождавшейся Луны. Я решил развести костер. Включив налобный фонарь, пошел к кустам, в противоположную сторону от места приземления сферы. Мне повезло, среди редких кустов лежало несколько засохших коряг, которые я и притащил к Химере. Затем развел небольшой костер под ее боком, с таким расчетом, чтобы от сферы его не было видно. Я сидел у костра, прислонившись спиной к скальному выступу, и размышлял о странном шаре. Вдруг уголком глаза я заметил справа движение темного силуэта. Пламя костра освещало часть поляны и немного рассеивало мрак ночи, но повернув голову, я никого не увидел. Стоило отвернуть голову от поляны, я снова периферийным зрением замечал темные силуэты перемещающиеся совсем близко от меня. Мне стало страшно, однако, в конце концов, я разозлился и, мысленно обругав сам себя, решил вспомнить все то, чему меня учили Марк и отец. Сев в позу лотоса, сконцентрировался. Странно, но мне это удалось сделать довольно быстро. Отбросив все внешнее, я ушел в глубины своего «Я». Сердце перестало колотиться, страх исчез, я был спокоен и холоден, мысли замерли. Не отвлекаясь, я поднялся на ноги и вышел из темных глубин подсознания плавно и стремительно как меч выходит из ножен, когда его вынимают перед боем. Ночной мрак посветлел, передо мной простирался призрачный мир, словно мое зрение превратилось в рентген. Я четко видел кусты, деревья и даже травинки на поляне. На светло сером небе ослепительно сиял серпик Луны. Скальный выступ рядом со мной горел в языках белого пламени, излучая энергию из своей кристаллической решетки. Вместо светящегося шара в конце поляны лежало темное яйцообразное тело, вокруг которого двигались высокие худошавые фигуры в комбинезонах и шлемах, похожих на пирамидку с обрубленной верхушкой. Еще две фигуры неподвижно стояли метрах в пяти от меня. Мой рост был метр шестьдесят три сантиметра, а они были где-то на метр выше, то есть метра два с половиной ростом. Шлемы были непрозрачными, поэтому их лица разгля-

деть я не смог. На груди каждого светилось по три кнопки, на поясе висел жезл, часть которого обвивала спираль, видимо, оружие. Я поднял руку и сделал приветственный жест. Оба инопланетянина повторили его, затем развернулись и зашагали к своему кораблю. Впрочем, не зашагали, а заскользили, не касаясь травы. Я решил, что каждый из них окружен силовым полем, оно и создает эффект скольжения над землей. Это же поле делает их невидимым для наших глаз.

– Интересно, получается, – подумал я, – инопланетяне разгуливают среди нас, а мы их не видим!

Мне данный факт совсем не понравился.

– В будущем надо быть осторожнее, – заключил я, – и время от времени сканировать пространство вокруг себя. Сделав небольшое внутреннее усилие, я перевел зрение в обычный режим и снова очутился в темноте. Получилось это у меня само собой.

Минут через десять «яйцо» взлетело, окуталось в плазменную оболочку и, сверкнув искрой, растворилось среди звезд. Я подбросил в костер дров и лег спать, положив под голову рюкзак. У меня появилась уверенность, что теперь я смогу переключать свое зрение, задействовав «глаз Шивы» на разные диапазоны. Сегодня я уловил момент перехода, и переключение далось мне легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.